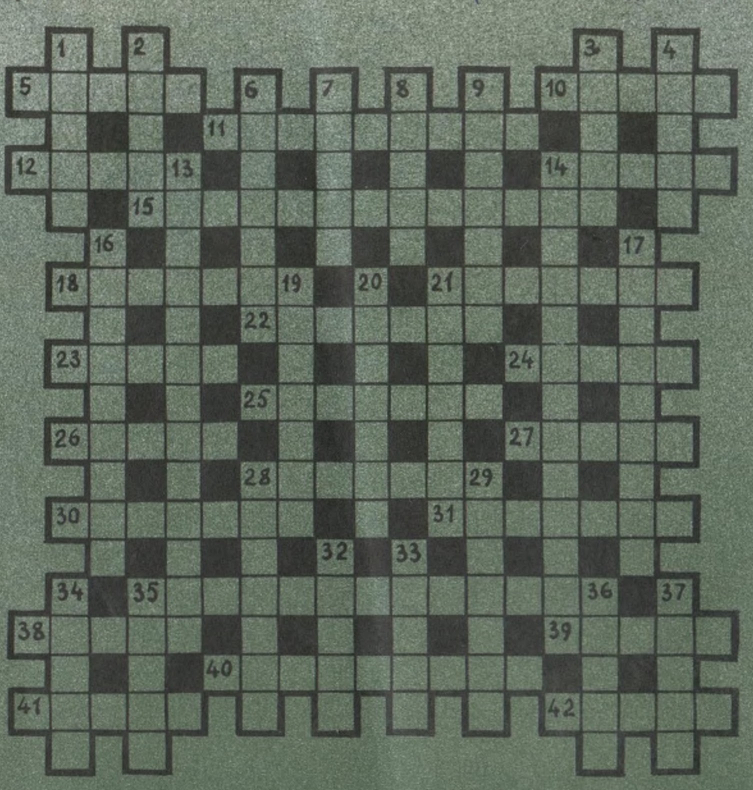
Цена 15 коп. Индекс 73755



КРОССВОРД

По горизонтали: **5.** Птица, объект охоты. **10.** Город в Италии. **11.** Водное растение. **12.** Геометрическое тело. **14.** Река в Закавказье. **15.** Возведение зданий, сооружений. **18.** Советский композитор-песенник. **21.** Житель одной из союзных республик. **22.** Русский советский поэт. **23.** Льняная ткань, обычно кустарной выделки. **24.** Вступительная часть песни. **25.** Загнутый и приглаженный край одежды, обуви. **26.** Наставление, поручение. **27.** Грузопассажирский легковой автомобиль. **28.** Созвездие Северного полушария неба. **30.** Свободное, обширное пространство. **31.** Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». **35.** Система взглядов на объективный мир и место человека в нем. **38.** Роман В. Яна. **39.** Наклейка на товаре с указанием его названия, количества, фирмы. **40.** Прибор для определения влажности воздуха. **41.** Безветрие. **42.** Исторически сложившаяся устойчивая общность людей.

По вертикали: **1.** Баллада В. Жуковского. 2. Тригонометрическая функция. **3.** Сорт кожи. **4.** Самый южный город СССР. **6.** Бальный танец. **7.** Главная артерия кровеносной системы. **8.** Коническая насадка на конце трубки для регулирования выходящей струи жидкости или газа. **9.** Легкое, быстроходное судно. **13.** Советский режиссер, педагог, теоретик театра. **14.** Одно из основных направлений научно-технического прогресса. **16.** Героиня трагедии Шекспира. **17.** Цифровое обозначение предметов, расположенных в определенном порядке. **19.** Жидкая лекарственная форма. **20.** Первая русская революционная газета. **21.** Один из видов рода ивы. **28.** Русский советский поэт. **29.** Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед обществом. **32.** Струнный щипковый музыкальный инструмент. **33.** Поле, засеянное осенью. **34.** Широкий диван без спинки. **35.** Издательство в Москве. **36.** Первый в мире ледокол, способный форсировать тяжелые льды. **37.** Теленок северного оленя.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

7•90 Общественно-политический ежемесячник

Александр Оболонский
ЧТО В НАС ПРОТИВИТСЯ ПЕРЕСТРОЙКЕ?

Леонид Жуховицкий
ПЛАТА ЗА ТЩЕСЛАВИЕ

Вячеслав Басков
ЗАЗОВИТЕ НАС В СВЕТЛУЮ ДАЛЬ

Стихи Лидии **ЧУКОВСКОЙ**

Рассказ Георгия ДЕМИДОВА

Живопись Павла Разгуляева

7 (476) •90 ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 30.05.90. Подписано к печати 04.07.90. Л 23098. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,08. Тираж 100 000 экз. Заказ 898. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302020800-83}{М172(03)-90}$ — Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Оболонский

ЧТО В НАС ПРОТИВИТСЯ ПЕРЕСТРОЙКЕ?

В той исторической драме, зрителями и участниками которой мы одновременно являемся, неизвестен не только финал, но часто даже конец следующей сцены. События развиваются бурно и почти непредсказуемо: слишком много разноплановых и не зависящих друг от друга факторов воздействуют на ситуацию. И позиция каждого из нас — отнюдь не последнее из обстоятельств, определяющих облик будущего страны.

Но чтобы сознательно строить свое будущее, мы должны отчетливо понять, что именно нам нужно изменить и в самих себе, и в нормах нашей жизни — политической, духовной, экономической... Почему так мучительно тяжело дается нам каждый шаг на пути, который мы называем перестройкой? Мы склонны искать источник наших бед и неудач в каком-то внешнем враге. Сейчас, и не без оснований, в роли такого врага называется партийная и государственная бюрократия.

Но в этой статье речь пойдет о враге не внешнем, а внутреннем, о том, что в нас самих, в нашей морали и психологии мешает нам выскочить наконец из беличьего колеса нашей несчастливой исторической судьбы. Речь пойдет о системе искаженных, а то и перевернутых моральных ценностей и ложных стереотипов — «кривых зеркал» нашего массового сознания, которые поддерживают основы «доапрельского» политического режима и которые, пожалуй, на самом фундаментальном уровне мешают процессам перестройки.

1. Антиличностная социальная установка. На уровне клише массового сознания ее идеологию передает печально памятный лозунг 30-х годов: «Незаменимых у нас нет!» Ее суть — в активном неприятии хотя бы относительной материальной или духовной независимости и свободы человека, в блокировании «незапрограммированной» активности отдельной личности, будь то ученый, кооператор или «архангельский мужик». Этот завистливый, запретительно-угнетательный антииндивидуализм исходит из посылки «никому не должно быть лучше, чем мне», прямо противоположной западному мещанскому стереотипу «быть не хуже Смитов». Парадоксально, но его носители скорей примирятся с «захватным правом» Соловья-разбойника или случайной чужой удачей ленивого Емели, либо везучего Ивана-дурака, чем с заработанным в поте лица благополучием трудолюбивого Ганса.

Эта установка имеет множество проявлений. Назовем два основных: уравнительность под маской «социальной справедливости» (на самом деле отнюдь не справедливой) и принудительная псевдоколлективность, эксплуатирующая стадный, ярко антиличностный стереотип «все, как один» и ориентированная на ситуации, в которых человек, независимо от его воли и желания, втягивается в некое совместное действо, в котором его личное мнение не значит практически ничего. Индивидуальность приносится в жертву вульгарно понятой идее единства, единомыслия. Социальная цена этой жертвы — отторжение (а в сталинские времена — уничтожение) выделяющихся из уровня «стаи» и в первую очередь — «неудобных» людей. Результатом этого продолжавшегося в нескольких поколениях противоестественного отбора стал тот дефицит ориентированных на практическую деятельность талантливых людей, который начинает сейчас осознавать наша вообще-то сказочно богатая на таланты страна.

2. Комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространен на разных уровнях сознания, в разных социальных слоях и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это понимание ущербности, порочности и бесперспективности господствующей системы общественных отношений (всего, связанного с авторитарно-бюрократическим режимом во всех его проявлениях), с другой — это ощущение своего органического родства с ней, в силу чего ее изменение воспринимается как угроза сложившемуся порядку бытия и заведенному укладу жизни, пусть далекому от совершенства, но единственно привычному и, следовательно, как личная опасность. Любопытно, что комплекс этот распространен не только в среде особо благополучной или привилегированной. Перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, мог бы от них только выиграть. Однако риск и состязательность пугают их. Государственная опека, дающая гарантии прожиточного минимума, возможности прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев — во многом на имитации полезной деятельности, по-прежнему привлекательна для многих. Здесь, видно, срабатывает стереотип, о котором писал еще Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится». Комплекс этот, помимо единого для всех фундамента, имеет еще и дополнительные «пристройки» на социально-классовой основе. А. Амальрик справедливо отмечал наличие комплекса социальной неполноценности у крестьян по отношению к горожанам, у рабочих — по отношению к интеллигенции. Такой же характер носит и отношение провинциалов к столичным жителям. Любопытно, что основанием для него служат не столько материальные различия, сколько характер труда и мера социальной несвободы.

А. Оболонский — доктор юридических наук, старший научный сотрудник Центра политологических исследований при Институте государства и права АН СССР и Советской ассоциации политических наук

На таком причудливом фундаменте, сложенном из понимания, что живем мы плохо, и боязни, нежелания это плохое менять, и зиждется комплекс неполноценности, проявляющийся в стремлении хоть как-то, пусть иллюзорно, но преодолеть данное подсознательно ощущаемое противоречие. Для этого есть два пути. Первый — агрессивное наступательное самоутверждение, подлинная цель которого скрыть внутреннюю неуверенность и раздвоенность. Его конкретные проявления — хвастливое приукрашивание своей жизни и достижений страны, а то и прямое мифотворчество на сей счет. Тот, кто остается рабом в душе своей, будет яростно сопротивляться попыткам вывести его из рабского состояния и, более того, будет мешать и другим выбраться из него. Ценой чужих жизней он готов оплатить собственный душевный комфорт, отстаивая своего рода моральное право на собственное рабство. Реальный идеал людей с этим типом сознания передает старая «бесовская» формула Петра Верховенского — «все рабы и в рабстве равны».

Путь второй — муссирование славянофильской идеи богоданности русского народа, его уникального духовного строя, который переделка на западный лад, погоня за материальными благами и политическими правами, дескать, неизбежно разрушит. По своей окраске он отличается от первого варианта как искренностью убеждений, так и преобладанием мирного, романтически патриархального настроя, хотя при определенных обстоятельствах он может приобрести черты первого — агрессивно-хвастливого — пути.

3. Дефицит моральных регуляторов поведения. Все началось с того, что во второй половине XIX — первой половине XX веков в стране значительно ослабла, а затем и во многом разрушилась традиционная система моральных ценностей. Не углубляясь в обсуждение этого вопроса (он заслуживает самостоятельного историко-социологического исследования), заметим лишь, что процесс этот был объективно обусловлен, а распад ее закономерен. Однако против ожидания на смену ей не пришла другая столь же универсальная и внутренне легитимная система моральных регуляторов. Надежды на утверждение в массовом сознании новой, коммунистической морали оказались утопичными. «Моральный кодекс строителя коммунизма» остался лишь цитатником для плакатов. Возобладала воинствующая моральная безнормативность, вседозволенность. Возник, страшно сказать, феномен страны победившего хама. Все мы до сих пор живем в этой стране, и хотя самые последние годы дают некоторую надежду на моральную реконструкцию общества, дело это и в лучшем случае не менее сложное и долгое, чем восстановление нормальной экономики.

4. Недостаточная развитость нормальной трудовой этики. На протяжении долгих лет труд в нашей стране был почти тотально несвободным, содержал значительный элемент внеэкономического принуждения и потому рассматривался как неприбыльная повинность. Морально-психологическое отчуждение от процесса и результатов труда нашло, в частности, отражение в таких народных пословицах, как «от трудов праведных не наживешь палат каменных», «работа дураков любит» и т. п. В своей основе это мировоззрение противоположно евроамериканской традиции протестантской этики. Правда, освобождение крестьян, развитие капиталистических отношений да и нэп заложили основы новой трудовой этики, но укорениться она не успела. Режим, провозгласивший лозунг свободного труда, на деле опять превратил его в казенную повинность. Принудительная коллективизация, трудармии, архипелаг ГУЛАГ, широкое использование практически бесплатного труда военнослужащих, «шефов» и т. п. отбросили трудовую этику народа на столетие назад. В то же время действительно эффективные работники вышибались из седла, поскольку подлинно эффективный труд предполагает определенную самостоятельность работника, пусть ограниченную, но гарантирующую в каких-то пределах независимость от администрирования со стороны «начальства». Этого же система ни под каким видом допустить не могла.

5. Квазиэтатизм, т. е. фетишизация власти. Эта установка политического сознания означает, что политико-государственная власть мыслится как главный, если не единственный, стержень, на котором зиждется все общественное устройство. Ее основными атрибутами являются неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и защиту интересов личности, фатальная покорность любым исходящим от носителей власти предписаниям, независимо от их законности и справедливости, отождествление государства и общества, «казенный патриотизм», моральную ущербность которого вскрыли Лунин и Чаадаев и который Герцен уничижительно характеризовал как «петербургский патриотизм, который похваляется количеством штыков и опирается на пушки». А где нет веры в закон, есть вера в непреодолимость действующего и воспроизводящего себя на всех уровнях произвола.

И еще один стереотип, на котором стоит наш квазиэтатизм,— это боязнь «хаоса», «анархии», которые якобы наступят, если только чуть отпустить «вожжи». Логически ясно, что тут происходит несложная подмена понятий — свобода подменяется хаосом. Однако формальная логика, как известно, никогда не была сильной стороной массового сознания. Так или иначе, но сама идея свободы остается для обывателя непривычной и пугающей. Гораздо привычней для него, например, полуосадное положение, которое со всеми своими атрибутами столь долго было обычным способом обращения режима со своими подданными, что те к нему приспособились и боятся не только «анархии», но даже и составляющей один из непременных атрибутов свободы необходимости индивидуального ответственного выбора.

6. Национализм. Консервативный, антиперестроечный потенциал раз-

личных разновидностей национализма весьма громко заявил о себе в последнее время. (Недопустимо, однако, смешивать его с вполне конструктивными перестроечными движениями, складывающимися в ряде республик, хотя, разумеется, всюду есть не только «зерна», но и «плевелы».) Связанный с этим комплекс проблем чрезвычайно сложен, многогранен и требует специального углубленного изучения. Поэтому ограничимся замечанием общего порядка. Думается, что в основе многих разновидностей национализма (включая шовинизм) лежит глубоко замаскированный, по большей части неосознаваемый комплекс неполноценности. Базирующаяся на нем идеология проникнута духом поиска «постороннего виноватого», т. е. обвинения в собственных бедах и неудачах не самих себя, а неких злокозненных инородцев. Погромный потенциал такого «неопочвенничества» может обращаться (и часто обращается) на любые национальные меньшинства.

7. «Стихийный народный империализм». Он тесно сопряжен с национализмом. Обычно понятие «империализм» применяют к государственно-идеологическим сферам. Однако существует и империализм «народный», присущий так называемым «простым людям». Любопытно, что явление это носит интернациональный характер и присуще, например, французскому массовому (а до 45-го года было присуще и немецкому) сознанию ничуть не меньше, чем российскому. Порой просто диву даешься, слыша или читая, как какой-нибудь обыватель с кругозором, ограниченным горизонтом его убогой повседневности, рассуждает почти в классических геополитических категориях государственных интересов, интернационального долга и т. п. Применительно к восточным регионам страны упор делается на «цивилизаторскую миссию» России, а к Восточной Европе и Прибалтике главный тезис звучит примерно так: «Мы де их освободили, а они, неблагодарные, не хотят жить по-нашему!» Увы, святой простоте не приходит в голову, что «освобождение», сопровождающееся стремлением принудить «жить по-нашему», называется не столь возвышенно, а совсем иначе. Могут возразить, что вся эта народная империалистическая психология отнюдь не стихийна, а внушена по идеологическим каналам. Думаю, однако, что если это и справедливо, то лишь отчасти. Пропаганда лишь усиливает глубинные стереотипы традиционалистского сознания, отражающие настороженную неприязнь ко всякого рода «чужакам», «немцам», и, манипулируя ими, направляет против того «врага», возмущение которым в данный момент больше всего отвечает потребностям текущей политики.

8. Система моральных уловок и самооправданий. Активная гражданская позиция, развитое чувство социальной ответственности, инициативное поведение людей — все это относится к числу решающих предпосылок успеха перестройки. Поэтому уход от ответственности, психология «маленького» человека, конформизм сознания и поведения являются ее серьезными морально-психологическими препятствиями, тормозами. Однако данный синдром чаще всего не выступает в явном виде, а посредством защитных механизмов сознания приобретает превращенные формы, которые, анестезируя совесть, позволяют человеку в этом случае «сохранить лицо» перед другими и перед самим собой. Назовем некоторые разновидности таких механизмов: мораль «рабочей лошадки», полагающей излишним вмешательство «не в свои дела» (чаще всего под этим подразумеваются граждански значимые острые проблемы), а главной ценностью считающей возможность спокойной работы «на своем месте» и устроенной личной жизни; философия собственного бессилия и всесилия любого «начальства» — «а что я могу сделать?», «они меня в бараний рог согнут» — вот ее наиболее расхожие клише; подчеркнутая лояльность ко всему, что исходит от власти, симулирующая незыблемую идейную верность «генеральной линии», а на деле маскирующая прагматичный своекорыстный расчет, карьеризм, обывательское желание профилактически застраховаться от любых возможных неприятностей, двойную и тройную «мораль»; откровенное возведение морального релятивизма в жизненный принцип: «главное, чтобы при всех обстоятельствах бутерброд был бы с маслом»; позиция «фиги в кармане», одновременно и анестизирующая совесть, и не ставящая под угрозу личное благополучие.

Итак, сквозняки свободы требуют закалки. На ее отсутствии, на нежелании и боязни многих сбросить с себя сросшуюся с кожей раковину привычной морали и психологии во многом спекулируют те, кто сознательно стремится свернуть программу перестройки. Для этого они используют целый набор десятилетиями сложившихся политических механизмов. Их анализ — тема особого разговора. А сегодняшний, несмотря на то, что посвящен он был копанию в малоприятных закоулках нашей коллективной души, думаю, есть основания закончить на ноте оптимистической: наряду с консервативным синдромом, тяжкими гирями висящими на наших ногах, в нашем сознании постепенно складывается синдром перестроечный. Он базируется на разных вариациях никогда не угасавшей в нашем обществе (хотя и постоянно преследовавшейся) антитоталитарной, ориентированной на свободное развитие личности, контркультуры. Перестройка дает нам в руки мощные средства для самоисцеления. И очень важно суметь воспользоваться ими для добрых целей.

УТОЧНЕНИЕ. Редакция считает необходимым отметить, хотя и с запозданием, что репортажи Анатолия Стреляного «Раскулачивать гадов!» и Александра Гангнуса «Право на кнут» до их опубликования на страницах «Горизонта» (соответственно в 12-м номере за прошлый год и в 5-м за этот) прозвучали в передачах радиостанции «Свобода».

Леонид Жуховицкий

ПЛАТА ЗА ТЩЕСЛАВИЕ

В литературном журнале с интервалом в несколько месяцев прочитал две статьи, сперва экономиста, потом литератора, с одним и тем же вопросом: а надо ли нам догонять Америку и Запад вообще? Разная земля, разный климат, разные традиции, разный исторический опыт, а мы все пытаемся за ними тянуться! Не лучше ли послать их подальше с их компьютерами и фермерами, с их чертовым богатством? В конце концов, у нас свой путь, наш колхоз происходит от крестьянской общины, а святость в нашей стране всегда ценилась выше сытости. Поэтому главное — решать проблемы духовные, следить, чтобы кооператоры и индивидуальщики не слишком высовывались из ряда, и вообще думать не о том, как жить лучше, а о том, как справедливей. И т. д.

По-человечески все это можно понять.

Сегодня наше экономическое положение в мире незавидно, а в чем-то просто унизительно. Особенно при прямом сравнении, пусть даже и обывательском: наш телевизор и японский, наши ботинки и австрийские, наша квартира и американская, наша «Волга» и чужой «мерседес». На беговой дорожке прогресса вот уже много лет мы не столько догоняем, сколько отстаем, а свет в конце туннеля не столько видится, сколько мечтается. Причем удары по самолюбию чем дальше, тем больней.

Пока состязались с Америкой, Япония обошла нас на скорости, оставляющей мало надежд. В последние годы стало совсем стыдно: функционеры, процветающие при борьбе за мир и демократию, привозят видеомагнитофоны не только из Южной Кореи, но даже из Китая, который еще лет семь назад фигурировал разве что в пренебрежительных анекдотах. Да ладно бы Китай...

Год назад я побывал в Непале, по статистике одной из самых бедных стран планеты. Впрочем, бедность видна и без статистики: даже в столице грязные узкие улочки, в деревнях хижины без всяких удобств, основа экономики — сельское хозяйство, а главные механизмы — буйвол и мотыга. Очень бедная страна.

На корявых улочках в центре немногочисленных городов почти все первые этажи заняты лавчонками, сплошь обшарпанными,— наши сельмаги смотрятся элегантней. Но в этих лавчонках, как ни странно, есть все, что продается в супермаркетах богатых столиц — от японских автомобилей до французских духов. Все есть. Полки завалены. Бедная страна — однако вписана в мировой рынок.

Я поинтересовался: а что же поставляем Непалу мы? Умные люди просветили: поставляем нефть, а сейчас идут переговоры о продаже местным заводикам нашего металлолома. Вот так вот. Выходит, сегодня мы сырьевой придаток Непала...

Да, куда легче ничего ни с чем не сравнивать, на соседей не оглядываться, отгородиться от человечества не железным занавесом, так ивовым плетнем и даже в щели не смотреть. Пусть чудачат, как хотят, со своими домашними компьютерами и кухонно-стиральными роскошествами — не нужно нам всего этого, обойдемся!

Может, призыв к самобытной, но одухотворенной нищете просто крик отчаяния и досады? Не выходит — а мы и сами не хотим?!

Не знаю. Наверное, иногда и так. Хотя к лишениям во имя духа обычно призывают люди, лично лишений не испытывающие. Но не в этом дело. Важней другое: нет у нас возможности выбора, ибо жизнь все равно не позволит отдышаться за самобытным ивовым плетнем.

В наше время научно-техническая гонка не футбольный чемпионат, где и последнее место можно перетерпеть. Это скорей борьба за выживание.

Только очень развитая страна может справиться с экологическими проблемами. Америка сумела оживить свои Великие озера. Швеция сберегла даже пейзажи. Англичане привычно жалуются на смог — их бы на недельку в Нижний Тагил!

Поразительно и почти нереально — но постепенно самыми чистыми становятся самые промышленные страны на земле.

Чистота требует денег, знаний, свободных мощностей, высокой квалификации работников. Жители отсталых стран вынуждены сжигать леса в примитивных печках, просто чтобы не замерзнуть. Во время голода не думают о зерне без химикатов — думают о куске хлеба. Наши журналисты разоблачают грязь, халтуру и целлюлозные «добавки» на мясокомбинатах, но их гневные тирады слабо отзываются в душах миллионов читателей, которые мечтают не о качественной, а о любой колбасе.

Казалось бы, у аграрных стран, по меньшей мере, не должно быть хлопот с харчами. Как бы не так! Парадокс нашей эпохи в том, что не мировая деревня кормит город, а, наоборот, город деревню. Кто экспортирует мясо, масло и зерно, кто спасает от хронической голодухи Эфиопию или Бангладеш, кто и на наш обеденный стол подбрасывает от щедрот своих не худший кусок? США, Канада, Австралия, Голландия, Франция, Дания, Новая Зеландия. Помню, как потрясен я был, углядев на прилавке бухарского продмага бельгийских кур. Бельгийских! Страну-то на карте можно наперстком закрыть, всегда славилась в мире классной металлургией, а оказывается, даже диетического мяса хватает на себя и на узбекских братьев...

Транспортный экономист отметает фермерство и ратует за колхозы, ведущие, по его мнению, родословную от крестьянских общин. Не

мне судить, что лучше, жизнь рассудит. Но истина родится не на журнальной странице, а на полках гастронома, где пока что радует глаз разве что китайская тушенка по «кооперативной» цене.

Так нужна ли нам самобытность с протянутой рукой?

И еще одна забота, которая завтра грозит стать самой драматической. Какая исконная традиция защитит нас от СПИДа? Моралисты боялись лишь приятного способа распространять инфекцию — увы, в наших детских больницах вполне самобытным методом заражают смертельным вирусом безгрешных грудничков. Телевизионные златоусты, превозмогая благопристойность, решились, наконец, пропагандировать с голубого экрана презервативы — а толку? Этих бронежилетов против инфекции ныне не хватает даже на праздничные заказы ветеранам гражданской войны. Если и дальше так пойдет, громадное государство лет через тридцать превратится из страны в территорию, и некому будет на немеренных просторах вещать о духовности...

Кстати, о духовности, о национальной культуре, о традиции, о сбережении дедовского наследства.

Не так давно по московским экранам прошел японский фильм «Легенда о Нарайяме». Фильм потрясающий, страшный, гуманный, натуралистический, мудрый и на сто процентов японский — ни в одной другой стране подобную картину представить себе нельзя. Спорили о фильме много, упрекали в разном, но редкостной его самобытности никто не отрицал. Как бы ни менялась жизнь в великой островной державе, старая японская деревня, нищая и жестокая, бесследно не исчезнет — гениальная кинолента ее сохранит.

Но из чего сложилось это талантливейшее и самобытнейшее произведение искусства?

Талант, знание жизни, пристальный интерес к родной истории — да. Но ведь и еще многое. Как-то: совершенная оптика, высшего качества пленка, знакомство с лучшими образцами мирового кино, актерская школа, впитавшая в себя едва ли не все достижения современного лицедейского ремесла, и, наконец, деньги — большие деньги, которые на съемках не экономили. Только высокоразвитой, богатой и открытой стране под силу и по средствам такая картина.

А вот уже помянутый Непал, страна удивительной древней культуры, где еще до нашей эры создавали редкой красоты пагоды, постепенно теряет свою историю: ветшают древние храмы с их неповторимой деревянной резьбой, жилые дома прошлых веков выглядят, как после землетрясения, а знаменитые скульптурные львы в красочных туристских проспектах смотрятся куда лучше, чем в натуре. Любви к родной земле непальцам хватает — средств маловато.

Японцы после проигранной войны, отбросив державную спесь, долго учились у богатой победительницы, Америки. А наши политические обозреватели без конца ругали правящие круги островной страны за позорное низкопоклонство перед дядюшкой Сэмом и грозили, что недалеко время, когда гордый японский народ скажет свое веское слово. Время это пришло еще быстрей, чем ожидалось, и японский народ сказал свое веское слово: теперь уже американские публицисты растерянно анализируют причины японской экономической экспансии. Хорошо гордится тот, кто гордится последним!

Мы ни к кому на поклон не пошли: у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока. Но вот нашу национальную святыню, ничем не заменимую Третьяковскую галерею, возрождают финские реставраторы — своих умельцев не нашлось...

Владимир Корнилов

НЕПОБЕДИМАЯ И ЛЕГЕНДАРНАЯ

«Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед, тебе, любимая, родная армия, шлет наша родина песню-привет!» — пели мы, призывники 50-го года. Не знаю, что поют сегодня, но лишь слепой и глухой не заметят, что отношение народа к армии резко переменилось. Непобедимой, легендарной, а также любимой и родной уже никто ее не называет, а каждый допризывник спит и видит, чтобы его забраковала медицинская комиссия.

Конечно, за сорок лет многое переменилось. Начать хотя бы с того, что наши потери в Отечественной войне выросли сегодня с названных Сталиным 7 миллионов, соизмеримых с потерями немцев, до 27. И кто поклянется, что это предел, что цифра погибших еще не подскочит. Подскочила же она до 20 миллионов при Хрущеве!

Во-вторых, все эти сорок лет армию заставляли заниматься делами малоблаговидными. Вот неполный их перечень: Берлин 17 июня 1953-го, подавление восстаний политзаключенных в 1953—1954 годах, Будапешт 1956-го, Новочеркасск 1962-го, Прага 1968-го, Тбилиси 1989-го, Баку 1990-го. Все эти акции, а также недавнее введение войск в Вильнюс не прибавило армии народной любви. А десятилетняя война в Афганистане лишила ее эпитета «непобедимая».

Далее. Многие высшие военачальники (не все, но многие!), выступая на съездах и сессиях, демонстрируют косность мышления и удивительную не только схожесть позиций, но даже аргументации. Создается впечатление, что все они говорят по одной шпаргалке. Возникает сомнение, могут ли люди косной мысли быть специалистами, профессионалами? И неудивительно, что проворные русты берут верх над косными тугодумами. Три года назад западногерманский мальчишка приземлился у Кремлевской стены, а сейчас, когда я пишу эти строки, второй немецкий шустряк садится на Батумском аэродроме, оставляет цветы и послание Президенту и благополучно улетает.

Ко всему этому следует добавить, что, судя по количеству оружия, попавшего в руки гражданских лиц, часть армии занимается его продажей. Ведь больше оружию взяться неоткуда!

И наконец, армия поголовно заражена трудноизлечимым в нынешних условиях недугом «дедовщины». «Дедовщина» калечит тела и души молодежи, превращает солдат либо в извергов, либо в инвалидов. Сегодня салажонок первый год служит с одной надеждой: во второй год отыграться за все обиды и издевательства на следующем салажонке. Чем же, хочется спросить, такая армия отличается от уголовного лагеря? Сегодня армия, как это ни прискорбно, стала рассадником преступности.

Словом, наши Вооруженные Силы тяжко больны, они не справляются со своими обязанностями, лишились народной любви и всеобщего уважения. Видимо, с этим что-то делать надо. Возможно, мои заметки многие военнослужащие воспримут как советы отставной козы барабанщика. (Я действительно давным-давно нахожусь в запасе.) И все-таки думаю, что имею право быть выслушанным хотя бы как налогоплательщик с достаточным стажем.

Мне кажется, что сегодня создалась уникально благоприятная ситуация для реформы нашей армии. Причем эту радикальную реформу можно начать тотчас, что называется, с колес. Для этого надо всего лишь отменить два призыва — осенний нынешнего года и весенний следующего. Эти карантинные меры дадут немедленный и колоссальный эффект.

Во-первых, они не позволят заразе «дедовщины» распространиться на следующие поколения нашей молодежи. Во-вторых, они повысят наш международный авторитет. В-третьих, они возвратят армии уважение народа. Молодые ребята, их возлюбленные, их родители перестанут пугаться военной службы. В-четвертых, эти меры безусловно оздоровят наши Вооруженные Силы. Прежде всего, они заставят их пошевелиться, изыскать внутренние резервы и наконец-то очнуться от почти что полувековой спячки. Армия уменьшится численно, но вовсе не ослабеет. Скорее, наоборот. Прапорщики, которые в основном обучали солдат (а многие из них измывались над солдатами, и зараза «дедовщины» почти целиком на их совести! Недаром введение института прапорщиков совпало с началом «дедовщины»!), так вот прапорщики теперь будут не у ч и т ь, а с л у ж и т ь, и один специалист с лихвой заменит десяток недоучек!

Еще раз хочу сказать: сегодня самый удобный момент для перестройки армии. Отменив на год призыв, армия сама убедится, что последующие призывы ей вовсе не нужны, что она должна опираться только на п р о ф е с с и о н а л о в. И такая армия обойдется народу куда дешевле армии нынешней, к тому же зараженной страшной болезнью бесчеловечности.

Какие даже на первый взгляд очевидные выгоды принесет эта реформа? Освободившиеся казармы можно будет переоборудовать под жилье для семей прапорщиков и офицеров. Год без призыва покажет полную ненужность армейских политорганов. Толковые политработники смогут перейти на командные должности, всех же прочих можно будет без ущерба демобилизовать, что высвободит немалые средства. Ведь новая, профессиональная армия будет внепартийной, и набирать в нее будут на конкурсной основе; поэтому политически неграмотные люди попасть в нее попросту не смогут. Реформа армии повлечет за собой реформу военкоматов. Сейчас военные комиссариаты непомерно раздуты, и в них царит полная неразбериха, поскольку армия списывает туда всех негодных офицеров. Говорю это, основываясь на собственном опыте. Я был уволен в запас техником-лейтенантом из одной наземной части ПВО. В военкомате никак не могли понять, чем же я занимался в армии, и приписали меня к авиации, хотя с самолетами я никогда дела не имел. Спустя четверть века мне присвоили старшего техника-лейтенанта запаса. Когда же я сказал военкоматскому майору, что исключен из Союза писателей за участие в правозащитном движении, он схватился за голову и сначала предложил мне скрыть этот факт, а затем помчался к начальству и, вернувшись, поздравил меня с новым воинским званием. Спрашивается, кому нужны такие военкоматы, и не дешевле ли заменить их толковыми компьютерами?

Думаю, если люди, знакомые с военными расходами, возьмут в руки карманные калькуляторы, они через несколько минут убедятся, что введение профессиональной армии тотчас же обогатит нашу страну.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Я пишу вам в последние часы моего пребывания в Москве, куда я прилетел из города Рудного Казахской ССР. Через два дня я буду в Ташкенте, в распоряжении Туркестанского военного округа. История моя такова.

В 1988 году я закончил Донецкий медицинский институт и получил диплом врача-педиатра. По распределению я, всю жизнь живший в городе Донецке, был направлен в Кустанайскую область и, понимая необходимость улучшения медицинской помощи в Казахстане, выехал туда, оставив в Донецке трехкомнатную квартиру и одинокую мать. Моя специальность после окончания интернатуры — врач-неонатолог, т. е. специалист по первым дням жизни ребенка, детский врач родильного дома.

Встав на военный учет по месту новой работы в городе Рудном, я узнал, что в Среднеазиатском военном округе плохо с военными медиками, а мое личное дело было подготовлено и отправлено в Министер-

ство обороны СССР вместе с делами других молодых врачей на предмет определения необходимости призыва в армию специалиста моего профиля.

Я проработал в родильном доме города Рудного, после окончания интернатуры в детской больнице, шесть месяцев. При мне был организован пост круглосуточного наблюдения за новорожденными, врачом которого я и работал до последних дней. Сложность моей специальности требует постоянного совершенствования знаний и опыта, поэтому в январе—феврале 1990 года я обучался на курсах повышения квалификации в Алма-Ате на кафедре неонатологии.

Вернувшись, я узнаю, что Туркестанскому военному округу требуются врачи именно моей специальности (входящие в одну команду со мной хирурги, терапевты, реаниматологи, травмотологи призваны не были), и с 19 марта 1990 года я призван на действительную военную службу сроком на два года.

Прошу мне объяснить, как понимать в свете моей частной истории заявления с высоких трибун о необходимости коренного улучшения нашего здравоохранения, о крутом повороте к нуждам народа, об охране материнства и детства?

Я многое мог бы еще написать, зная не отвлеченно, а на деле о детской заболеваемости и смертности в нашей стране. Но хочу задать Министерству обороны только один вопрос: почему, одной рукой выведя наши войска из Чехословакии, ГДР и других стран, сокращая, если верить заявлениям, численность военнослужащих на 500 тысяч человек, с другой стороны, призывается на действительную военную службу на два года врач-микропедиатр?

Игорь Григорьевич Сергеев,
1963 года рождения

Грант Апресян

ТЕРПЯЩИЕ БЕДСТВИЕ

Потрясение

Промозглым ноябрьским днем прошлого года инвалид I группы Юрий Астахов ехал по Садовому кольцу на «Москвиче-2140» с ручным управлением. Одновременный глухой удар по днищу и дорожному полотну означал окончание благополучного движения. Полетел карданный вал.

Что делать?

Темнело. Автомобили проносились с включенным светом, видимость смазывал зарядивший дождь. Но стекавшие струйки не маскировали инвалидный треугольник, прикрепленный к переднему и заднему стеклам. Было четыре часа.

Ноги парализованы. Зато руки сильны и могут выручить.

Выполз наружу, опираясь корпусом о кузов, стащил коляску с багажника и поехал по осевой искать кардан и посыпавшуюся с ним мелочевку. Нашел, пристроил вал за подтяжки — иначе не увезти, развернулся обратно — чинить.

На асфальте слякоть. Тысячи колес обрызгивали бока приподнятого домкратом «Москвича», доставалось и лежащему под ним хозяину.

Во втором часу ночи Астахов подъехал к дому на исправной машине.

Случай этот здорово потряс меня — не его. То, что мы, относительно благополучно здравствующие, считаем не вписывающимся в рамки элементарной человечности, а потому неестественным, ему привычно. Столько позади нервотрепки и унижений, что свыкание с горькими парадоксами происходит незаметно, будто бы исподволь. Как объяснил Юрий Георгиевич, такие истории закаляют и терпению учат. Каждодневному терпению всего.

Мечта миллионов страждующих — быть как все. Обрести себя в новом качестве удается единицам. Широко известен Святослав Федоров. Житель Никополя Дмитрий Дашко добился звания мастера спорта по самбо, не имея левой руки. 43-летний Юрий Вересков, мальчиком потерявший ногу, год назад успешно закончил Ленинградский институт физической культуры имени Лесгафта и нынче готовится в аспирантуру. Они вызывают глубочайшее уважение. Однако получается: и один в поле воин, несмотря на то, что инвалид. Этот постулат, не опровергнутый жизнью за многие годы, воспринимается как само собой разумеющееся. Кто скажет, когда мужество одиночек перестанет быть чем-то из ряда вон выходящим?

Я знаю. Когда все обретут равные условия для реабилитации. Но знаю и то, что рассуждать об этом пока равносильно попыткам обойти Японию в компьютеризации технологических процессов.

«Остров прокаженных»

Так величают местный воронежский дом инвалидов № 1, куда мы едем с Александром Васильевичем Рубцовым. Здесь он директорствует. Бывший врач-инспектор облсобеса, Рубцов курировал дома инвалидов по долгу службы. Говорит откровенно: объехав в очередную поездку несколько заведений, вернулся в ужасном настроении, навеянном безысходно-трагической картиной. Ушел из аппарата сюда, надеясь приложить силы к улучшению быта страждущих.

Некоторые замыслы уже реализуются. Пробил всеми правдами и неправдами капитальный ремонт — первый за 35-летнее существование дома. Собирается монтировать лифты — беспомощные люди без труда окажутся на втором этаже, в библиотеке, в кинозале, в просторных холлах с удобной мебелью.

Разговор — без нагнетания позитива — продолжается в служебном кабинете.

— Водитель, везший нас, получает 89 рублей. Семья. Как ему выкручиваться? Подрабатывать некогда. Значит, воровать. Или, если честный, сидеть на хлебе и воде.

Я получаю 300 рублей без премий. А могу получать и меньше. Оклад зависит от числа заполненных коек.

— ?!

— Есть план койко-дней. Койка должна постоянно функционировать, иначе денежку срежут. И я не знаю, доколе просуществует этот показатель в нашем плановом и гуманном государстве.

Мы провоцируем воровство, процветавшее в этих стенах во времена застоя. Как машинист по стирке белья, а попросту — прачка, держится месяц на 75 рублей? Я представляю, какие мысли лезут ей в голову, когда она созерцает грязные простыни из-под двухсот лежачих инвалидов. Даже здоровый, дойдя здесь до отчаяния, захочет свести счеты с жизнью раз и навсегда...

Я спустился на первый этаж. Инвалиды с немыслимым диапазоном увечий сидели, двигались по коридору, ездили на колясках. Мужчины и женщины самого разного возраста. Подвыпившая четверка хлопала истрепанными картами. Сквозняк развеивал табачный дым. Большинство, наверное, осело в комнатах наедине с собеседником или своими думами.

В результате общения с ними рассказ директора дополнился воспоминаниями 10—15-летней давности.

Порядки, насаждавшиеся в доме инвалидов (он, надо полагать, не исключение из сотен других), способствовали скорейшей отправке его обитателей в мир иной.

Провоцировалось не только воровство, но и самоубийства.

В мае 1972 года, приняв большую дозу сильнодействующих лекарств, погиб Валерий Тетерин.

3 января 1978 года. Самосожжение престарелой жительницы в туалете. Причина: у нее систематически, не без участия медперсонала, отнимались личные вещи. Повод: считалось, что всем надлежит пребывать в равном казарменном положении. Было бы чисто да пусто.

В 1985 году две старухи, опять же из-за вещей, убивают свою соседку по палате...

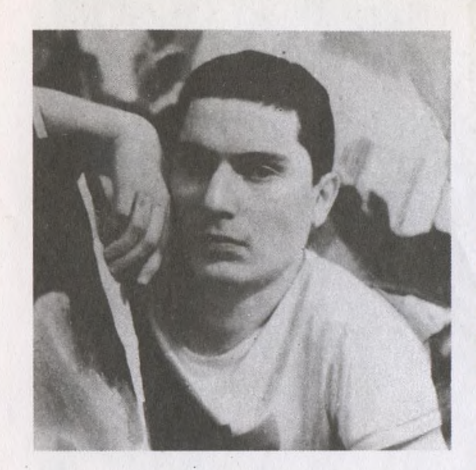
Геннадий Гуськов, инвалид I группы, на 95 процентов неподвижен (последствия полиомиелита):

«Тетерин был моим другом. Его отравление — протест против существующего в доме режима. От Валеры хотели избавиться. Подселяли к нему в комнату умирающих невменяемых людей. Лишенные присмотра, они ведут себя дико. Он пережил несколько смертей, но держаться дальше не мог...

ЧП всколыхнуло всех, даже лютых его недругов, включая директора дома В. Басова. Руководство струхнуло здорово, поэтому на нас выплескивалась уже неприкрытая злоба. Им все сходило с рук.

Однажды я влезал в машину своего знакомого. Подошел Басов, ударил меня по голове дверью, схватил за ремень и потащил по зем-

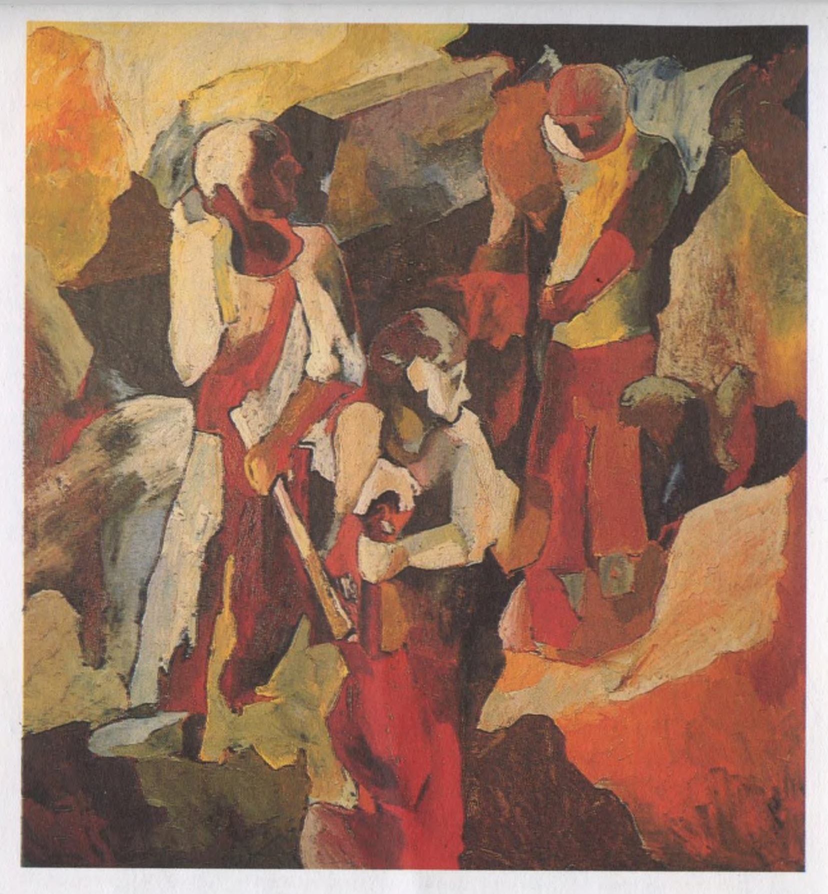
МЫ ИЗ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО



ПАВЕЛ РАЗГУЛЯЕВ

Художник рождается тогда, когда человек находит в жизни нечто самое главное, обнаруживающее способность, представая в различных обличиях, являть миру содержание души. Так выявляются скрытые в хаосе ценностные ориентации, и человек обретает постоянство в вечно меняющемся мире. Точкой отсчета, первоэлементом познания, прозрения стал для молодого московского живописца Павла Разгуляева человек. Кажутся бесконечными вариации его монументальных композиций из сидящих, играющих, занятых физической работой героев.

Голуби



Похороны

Художник не отвлекается на конкретизации их облика, лиц, возраста. Перед нами просто люди. Простолюдины, быть может. Разгуляев умеет выявить ту грань, срез сознания, когда мы одновременно осознаем себя, свою связь с себе подобными и с окружающим миром. Средство для выражения единства и взаимозависимости этих понятий — пластика форм, цвета, ритма. Большие пятна горячих и холодных тонов объединяют героев, предметы быта, пространства комнат и природы, выводя художника к выражению философского представления о времени и пространстве.

Время и пространство не определяются мгновениями. Глядя на «Вечер», не задумываешься, как он начался и как кончится — перед нами растянутое мгновение. Представлена ситуация, в которой к человеку приходит переживание общности с людьми, когда рождается способность видеть другого как себя и себя как другого. Раздвигаются границы времени и пространства, и ты начинаешь осознавать — я живу в мироздании, в вечности.

Окончание на
3-й стороне вкладки

ле. Запомнилась его фраза: «Если б ты был не инвалид, я б тебе так вломил!» Но я ответил: «Если бы я не был инвалидом, получил бы от меня сдачи». Больше он ко мне не лез. Правда, в его кабинете, когда мы оказались тет-а-тет, он то ли в шутку, издеваясь, то ли всерьез спросил: «Тебя что, изуродовать?» Вот до какой степени я ему опостылел».

Неприятие чужого страдания будило в чиновниках от социального обеспечения раздражение, переходящее в ненависть. Хоть и грели «хлебные» места, но постоянная удручающая картина перед глазами била по нервам, куда уж тут денешься.

Согласен, не всякий инвалид являет пример ангельского поведения. Тягостное осознание физической неполноценности ломает психику, да так, что человек, меняясь, совершает поступки, в нормальном представлении непозволительные. Тот же Гуськов поведал: Саша Соловьев, бывший зэк, водворенный к инвалидам благодаря собственной беспомощности, драчун и пьяница, однажды здорово избил его в кинозале. От нечего делать, скучал. По мере надобности некоторые реализуют право сильного и в этой среде. Сколок общества: алкоголизм — само собой, наркоманы — реже, но попадаются. Винить их, судить по закону? Можно, конечно, но гуманно ли? На мой взгляд, чем «взрывоопаснее» подопечный, тем большего участия требует он от медсестры, нянечки, врача, от всех встретившихся ему граждан. Если тело восстановить нельзя, то душу можно спасти в любом случае.

Противостояние персонала и общей массы в немалой степени объяснялось и отсутствием того, о чем в других странах давно забыли и думать: ни комнат психологической разгрузки, ни компетентных врачей, ни тщательного подбора кадров, ни хотя бы близкого к пристойному снабжения.

Донельзя обделенный по всем статьям — материально и духовно — мир социального обеспечения из года в год отбрасывался в хвост длинной вереницы более перспективных областей, которые выгодно было насыщать деньгами и квалифицированными людскими ресурсами.

Человеческая жизнь бесценна — утверждали газеты, а о том, что где-то она ровным счетом ничего не стоит, не заикался никто.

«Вам не поверят,— говорили в домах инвалидов упрямым жалобщикам.— Вы ничего не докажете. Пусть хоть сейчас нагрянут с проверкой».

И вот нагрянули. Не внезапно, разумеется, но на высочайшем уровне. Дом инвалидов посетила министр социального обеспечения РСФСР Д. П. Комарова.

Этот эпизод имеет предысторию.

В конце 50-х в воронежском доме появилась мастерская по производству аккумуляторных пробников. Беспомощные люди создавали материальные ценности, зарабатывая ежемесячно свыше 200 рублей.

Мастерская, не имеющая аналогов в стране, действует уже двадцать лет. Работе ее всячески препятствовали, но инвалидное производство выжило. Им руководил Гуськов, это его детище. Отстаивая право мастерской на существование, с кем только ни конфликтовал, навлекая на себя грозу, и в конечном счете был выдворен из дома.

Итак, приезд министра. В директорском кабинете собралась вся «свита», сюда же вызван Гуськов. От двери по коридору до выхода — живой заслон из добровольцев, дабы никто посторонний в кабинет не проник. Обиженные на баламута и прохвоста Гуськова, здешние ветераны загодя собрали досье — компромат, незамедлительно попавший в руки министра. Идет разговор, вернее, разбирательство. За столом помимо Комаровой заведующий сектором ЦК КПСС Л. И. Дорофеев, заведующий отделом обкома партии М. И. Ильичев, местные официальные представители.

Гуськов — перед ними, лежа животом на обычной четырехугольной тележке, в пятнадцати сантиметрах от пола.

— Ты что хулиганишь? — голос министра властен, так же как пальцы, разминающие сигарету.

Всех — от уборщицы до директора дома — на «ты».

— Я? Да любой, сделав в сторону пару шагов, станет для моего хулиганства недосягаемым.

— Вы моете его в ванной? — вопрос к присутствующим.— Барин выискался. Пусть в баню ходит...

Робкие реплики производят впечатление разве что на первых весенних мух.

— Деньги небось пропиваете?

— Зачем же? Покупаем телевизоры, стиральные машины, питаемся с рынка.

Домна Павловна попутно просматривает бумаги по эксплуатации мастерской.

— Что означает сочетание «ВОИН»?

— Воронежское общество инвалидов. А можно при вашем содействии образовать и всесоюзное.

Министр явно не желала никаких обществ.

— Ты, видимо, не уяснил обстановку,— вмешались из президиума.— Мы приехали не для того, чтобы слушать твои речи. Надо тебя отсюда перевести. Вот и старожилы сетуют, что мастерской своей заняли лишнюю площадь, а их из обжитых углов выселили.

Гуськова вскоре отправили в другое место. Два милиционера, завернув его в одеяло, втащили в машину, швырнули рядом банку и захлопнули дверь.

Противоборство без отчаяния и результата

Геннадий Гуськов — имя в отечественной инвалидной среде легендарное. Людвиг Гуттман известен в мировом масштабе. Ему принадлежит замысел приобщить инвалидов к спорту.

Во время второй мировой войны в Центре по лечению травм позвоночника в Сток-Мэндевилле (Англия) он первым ввел спортивную программу как обязательную часть комплексного лечения больных с травмами спинного мозга, у которых была парализована нижняя половина тела. Гуттман преследовал две цели: во-первых, укрепить организм больных при помощи тренировок, во-вторых, преодолеть скуку, господствующую в больнице.

Уже много лет инвалиды участвуют в организованных специально для них Олимпийских играх. Однако на монреальской Олимпиаде 76-го года на запрос Гуттмана, почему никто не приехал из Советского Союза, представители нашей делегации ответили в таком духе: в СССР инвалидов нет. Желаемое выдали за действительное. И в самом деле, чего теоретически, в идеале быть не должно, того, значит, нет.

Фраза, произносимая потом аж на лозунговый манер,— летучее, ненадежное прикрытие изъязвленной реальности. За пеленой пристойности и благополучия открывается суть.

Она такова.

В конце 50-х ликвидировали артели инвалидов, а вместе с ними — Всероссийский кооперативный инвалидный союз с центральным правлением. Артели влились в государственные предприятия. Сапожники, портные, деревообделочники, изготовители игрушек, клейщики коробок, самостоятельно зарабатывающие на жизнь, оказались не у дел. Сильный институт социальной помощи — с домами отдыха, поликлиниками, детскими садами, выстроенными на заработанные в артелях деньги, в одночасье испарился. Люди лишились и пенсии, выплачиваемой союзом помимо государственной. Так выношенное в просторных кабинетах решение обернулось крахом бесчисленных судеб. Впрочем, было вначале обещано, что льготы, предоставлявшиеся союзом, сохранятся. Обещание так и осталось словами.

Они рискнули бороться за свои права.

Юрий Киселев, инвалид I группы (без ног):

«Помню, первая демонстрация инвалидов прошла в 56-м. Мне было 24 года, и я находился в числе десяти активистов. Потребовали собрания у Минсобеса, разговора с лицами, ответственными за роспуск коопинсоюза. На встречу вышло все руководство министерства, подъехали из горкома партии, и тьма артельщиков столпилась. Судя по объяснению, начальники артелей часто компрометировали себя нечестной работой, наживались на нас, а при новой форме труда будет лучше и надежнее, все-таки под защитой государства. В создании Общества инвалидов нет необходимости, достаточно функционирования министерства.

Я и еще несколько человек захотели обсудить этот вопрос в ЦК партии. Собрались и поехали — 30 мотоколясок и один горбатенький

«Москвич». После поворота на Старую площадь дорогу преградила милиция. Я на коляске вырвался вперед, газанул, они отскочили, и в брешь, пробитую мной, ринулась вся братия.

Выстроились перед ЦК, газуем, авось кто-нибудь выйдет. Но никого не видно. Пересаживаюсь на тележку, подъезжаю к двери, тяжеленная, еле приоткрыл, а мне навстречу трое с автоматами. Поясняю, в чем дело. Подходит офицер, выслушивает, отсылает в приемную ЦК. Еду туда уже один, на тележке я мобильнее. Вышло несколько человек. Говорят, надо подготовиться, соберите людей, выслушаем их. Договорились встретиться на следующий день. Назавтра отдали составленное заявление, часа два беседовали. Наобещали массу льгот. Но, сказали, о воссоздании союза не мечтайте, а общество не нужно, его не будет. Обещали выделить машины, но мы-то понимали, что смысл сводится к одному: дескать, поможем вам, только не выступайте.

Ничего мы не добились. Ну, модели мотоколясок изменили. И все».

Мир тем временем слышал о социальном обеспечении в Советском Союзе, как о самом лучшем. На Западе, внушалось своим калекам, инвалиды гниют и бедствуют, а вам тут и дома́, и бесплатное лечение.

Нельзя на теплую заботу отвечать нелепыми выходками.

Но кто-кто, а уж они ясно представляли, каково живется тамошним собратьям по несчастью. Владимир Цветов однажды признался в телепередаче, что подготовленный им репортаж о работе безруких на японском электронном предприятии в эфир не прошел, ибо тематически не соответствовал официальной пропагандистской установке.

Энтузиасты инвалидного движения ушли в «подполье», образовав весной 1978 года инициативную группу «Защита прав инвалидов». У ее истоков стояли Юрий Киселев и Валерий Фефелов, инвалид-спинальник, эмигрировавший в ФРГ и издавший там книгу о положении ущербных в СССР.

Загадка, как могла навредить государственным устоям небольшая неформальная организация, однако компетентные органы взялись за нее всерьез. Киселева и Фефелова терзали обысками. У обоих отобрали пишущие машинки, документы группы, считавшиеся клеветническими. Юрий Иванович мучился с ремонтом старого «Запорожца» — то баллоны оказывались пробитыми, то представали раскуроченными глазницы фар, то мелкая сетка трещин покрывала стекла. Он знал, чья это работа, но не знал, сколько так будет продолжаться.

— Мы относились друг к другу бережно и с уважением, потому что были убеждены, что рано или поздно нас пересажают, поступали же подобным образом с правозащитниками. Никто не мог предвидеть приход Горбачева.

— В 85-м вы ощутили облегчение?

— Не сразу. Но дышать стало легче. Хотя, если по большому счету, для нас никаких изменений не произошло.

Гримасы реальности, или Что взять на веру?

Я понимаю Юрия Ивановича, поскольку не понимаю другого.

Зачем ему каждые два года требуется проходить ВТЭК для подтверждения группы инвалидности? Ноги у него не вырастут, или врачам это неведомо?

Я не понимаю, почему с 1 июля 1989 года решением Воронежского облисполкома все местные дома-интернаты для инвалидов называются пансионатами, а интернаты для психохроников нарекли домами милосердия. Смена вывески не повлекла перемен — об этом свидетельствовали их обитатели.

Я не понимаю, почему работники мастерской, теперь уже пансионата, в Воронеже не имеют трудовых книжек, а следовательно, и стажа, хотя мастерская считается цехом ширпотреба приборcontinued ремонтного завода.

Я не понимаю, на каком нравственном основании вышедший из заключения с подорванным здоровьем человек за неделю должен быть определен в подобный пансионат, а одинокому инвалиду войны, которому просто некуда деться, приходится годами ждать этого «рая».

Я не понимаю, почему уникальнейшие изобретения не сломленных недугами чудо-мастеров остаются невостребованными, несмотря на усердную телерекламу, а заводы продолжают гнать громоздкие коляски и протезы, мало чем отличающиеся от деревяшек времен империалистической войны.

Не понимаю, наконец, ради чего на протяжении двадцати лет принимались постановления, выполнение которых предполагало улучшение жизни инвалидов во всем, не исключая досуга, но в действительности абсолютно ничего не менялось. Можно утвердить еще столько же документов, от которых проку, как от современной отечественной мотоколяски, рассыпающейся в дороге по частям.

Сдвинуть с мертвой точки проблему в состоянии действенная, персонифицированная государственная забота.

Верят ли они в нее? Вроде бы должны — налицо отрадные факты.

Появилось — с опозданием на десятилетия — Всероссийское общество инвалидов (ВОИ), призванное делать то, что не по силам нищему Минсобесу.

Министерство соцобеспечения РСФСР, в свою очередь, установило прочные связи с западногерманской фирмой «Майер». Выделено 6 миллионов инвалютных рублей на закупку импортных колясок.

Вопросами протезирования, по словам Николая Ивановича Рыжкова, вплотную занялось Министерство среднего машиностроения.

Объявлена всеобщая акция «Милосердие». Сборы от аукционов, концертов, выставок — на нужды инвалидов. Немалые пожертвования делает церковь. Сотни граждан перечисляют деньги, отнюдь не лишние

в их бюджете, помня, что кто-то нуждается в них больше. По стране собрано 12 миллионов рублей.

Геннадий Гуськов, потрясающий человек, чья энергия заслуживает восхищения, собирается организовать в Тольятти мастерскую наподобие воронежской, а на ее базе — многопрофильный реабилитационный центр.

Перестраивается, как заметил сменивший Д. П. Комарову Виктор Алексеевич Казначеев, Минсобес. Теперь задействованы все звенья значительно обновленного аппарата. Но в добросердечности его сотрудников те, кому она необходима как воздух, сомневаются. И в профессионализме тоже. Когда имеешь дело с бумагами и карточками, с сухой, унылой статистикой, за которой не видно людей, барьер отчуждения непреодолим.

Они убеждены: место министра надо отдать своему человеку, инвалиду, чувствующему каждым нервом чужую боль. Тогда дела пойдут. Тогда их, пришедших к нему на прием, не станет, как в прежние годы, вышвыривать за дверь дюжий милиционер. Тогда им будет обеспечено неподдельное внимание, опека и заинтересованность.

В дореволюционной России не существовало, как нынче, целостной системы социального обеспечения. Я не обнаружил в архивах упоминаний о министерстве общественного призрения. Функции «призрения» выполняли различные благотворительные и попечительские общества (к 1910 году их насчитывалось 4762) и благотворительные заведения (свыше 6 тысяч) с общим капиталом более 300 миллиардов рублей и годовым расходом около 50 с половиной миллионов.

75 процентов бюджета пополнялось за счет средств частной благотворительности.

Возможно, страна стала беднее материально. Но и признаков духовной нищеты, увы, предостаточно. Я согласен: сейчас всем тяжело и общий уровень жизни крайне низок. Я согласен и с тем, что ожесточиться можно не только в погоне за благополучием. Кто возьмется отрицать, что людей не делают добрее и лучше нищета и бесправие?

Факты. В квартире инвалида-глухонемого неизвестный преступник убил человека, нанеся ему множество ножевых ранений, и скрылся. Следствие раскрыло преступление и задержало убийцу. Им оказался также инвалид, глухонемой. На лестничной площадке подъезда обнаруживают труп инвалида. Под утро задерживают отца убитого, и тот признается в убийстве сына. Это — примеры из уголовной хроники, опубликованной в газете. Они, безусловно, несоизмеримо страшнее, нежели случай поломки карданного вала, повлекший семичасовое лежание инвалида I группы на ледяном асфальте под грязным автомобильным чревом. Но я вижу некую связь между ними, потому что догадываюсь, в каких житейских переплетах побывал совершивший непоправимое глухонемой и как мучились, сосуществуя бок о бок, сын-калека и его родитель.

Мы пытаемся исправлять ошибки прошлого, чье наследие во многом неисправимо. Трудно переживаем их, кляня виноватых, причисляя к ним новые и новые имена. Но есть, мне представляется, вещи, за которые, как за собственное здоровье, ответственность несет общество в целом и каждый его гражданин в отдельности. Невелик спрос с некогда великих мира сего, а теперь — скромных персональных пенсионеров, являвшихся порождением системы и самозабвенно служивших ей.

...Но две всесилы, говорил Тютчев, таит бытие: одна есть Смерть, другая — Суд людской. Последняя одолевает даже первую.

Вопрос в том, какой силы мы опасаемся больше.

Вячеслав Басков

ЗАЗОВИТЕ НАС В СВЕТЛУЮ ДАЛЬ

Наконец-то мы все поняли: нам нужен рынок. Рынок — это не тогда, когда спрос есть, а предложения нету, как сейчас, и не тогда, когда уцененных и очень низкого качества предложений — масса, завалы, зато спроса нет, как сейчас, а именно тогда, когда на любой спрос находится товар. И его берут. Этого можно достичь только в условиях так называемого сбалансированного рынка.

Мы этого раньше не знали. Правда, мы это проходили еще в школе, потом зубрили в институте каждый день, но наконец-то мы все поняли. Рынок — наше новое счастье. Очередной коммунизм — это рынок.

Но мы были бы глубоко неискренни, если бы не сказали, что рынок — это отнюдь не только спрос и предложение. Рынок начинается с денег и упирается в деньги. В те, что требует продавец (в цены), и в те, что у вас в кошельке (зарплату, пенсию, стипендию, сворованные). У счастливчиков спрос гораздо скромнее их накоплений, у других, наоборот, гораздо выше, чем их возможности. Мы раньше не знали, что если на товар цену повысить, то его станут покупать меньше, и он всегда будет в продаже, будет лежать на прилавке с таким видом, словно бы всем уже надоело его покупать. Его станут брать только богатые. Мы, правда, это проходили, сдавали экзамены и зачеты, но не знали. И мы не подозревали, что если, напротив, на товар цену сбросить, то его тут же расхватают бедные. Рынок — это когда цены все время находятся на таком уровне, чтобы не все могли себе позволить купить все, что приглянулось, но в то же время и все, но, однако, рынок — это не бесплатная раздача всего всем.

Как вы, наверное, помните, заумного разговора о рынке еще не было, а дискуссии о ценах уже начались. Лет пять спорят о том, повышать цены или не стоит! Начали издалека — с того, что будто бы товаров нет из-за неправильных цен. Дескать, Госкомцен СССР произвольно занижает цены, и производителям съедобного и несъедобного ну просто неинтересно и совсем невыгодно работать. Нам на глаза навернулись невольные слезы. Правда, нам еще ни разу не показали человека из числа производителей, который бы отказался от своей зарплаты. Зарплату несчастные производители получают исправно. Но им так, знаете, неинтересно и невыгодно работать!.. Вот когда на товары установят правильные цены, тогда будет изобилие товаров,— нам так говорили. Мы побросали все свои дела и сочувственно, жалея производителей, слушали эти захватывающие дух разговоры.

Многие сторонники повышения цен стали народными депутатами СССР. Но кое-где депутатами выбрали и тех, кто был против этого. Сторонники выглядели прогрессистами, зато противники — защитниками бедного люда. Года четыре спустя после публикации программной статьи экономиста Н. Шмелева «Авансы и долги» социологический опрос читателей выявил, что автор ее числится все еще первым среди публицистов. Так крепко втемяшилась она в общественное сознание...

Мы все поняли, но легче на душе не стало. Наоборот, люди стали очень часто тяжело вздыхать. Мы тупо смотрим на дамские сапожки за 1200 рублей пара и на мужские туфли, обыкновенные, со шнурочками, за 500 рублей. Говорят, скоро будем смотреть на клубнику, кило-

грамм которой уже оценен в 120 рублей, и на красную икру за 200. Нам кажется, что это юмор. До нас не доходит, что это как раз и есть объявленный свыше рынок, а цены эти — «правильные». В рынке мы видим свое спасение, но клубника за 120 рублей пока еще никого почему-то не спасла, может быть больной умрет, так и не отведав ее в свой последний час. Возможно, он потому и помрет, что ему страстно захочется клубнички, но некому будет ее поднести...

Если бешеные цены и есть долгожданный рынок, то — к чему прибедняться! — мы уже давным-давно живем в условиях самого настоящего, самого прогрессивного рынка. Мы живем в условиях неумеренно завышенных и тем не менее неуклонно повышающихся цен. Достаточно напомнить, что себестоимость литра водки — 9 копеек, пары колготок — 40 копеек... Но ни мы почему-то не становимся богаче, ни товарного предложения не становится больше. Если кто-то скажет, что мы живем не на рынке, то где же тогда! В Москве тринадцати продовольственным магазинам даже предоставлено право устанавливать свои цены! Не сомневайтесь, еще не родился тот товар, на который бы там цену снизили, только повышают. А у книжных магазинов такое право уже давно. Да что магазины! Магазины были, наверное, последними, кому разрешили управляться ценами,— первыми функции Госкомцен СССР получили целые отрасли народного хозяйства, чьей продукцией пользуется наибольшее число людей: Министерство связи СССР, Министерство путей сообщения СССР... Словом, цены растут сами, без участия Госкомцен СССР. Например, о повышении цен на картофель на 100 процентов заместитель председателя Госкомцен СССР, по его собственному признанию, узнал из газет. Но жизнь дорожает и без повышения цен, просто это стало ее рыночным свойством, вот и все.

Типичный случай.

Женщина пошла в магазин и взяла с собой пятнадцать рублей. По дороге она заглянула в «Галантерею» и вдруг оторопела, увидев на прилавке лезвия для бритья «Шик». «Шика» в продаже не бывает! А тут он лежал, и народу, главное, в «Галантерее» не было. Женщина, сдерживая естественный порыв, как могла медленнее направилась к кассе и, не жадничая, пробила две упаковки: десять рублей. Придя затем в продовольственный магазин, она не увидела ни молока, ни кефира. Зашла в булочную и купила батон хлеба. С ним и вернулась домой.

Разберемся.

Эту ситуацию бывалые покупательницы оценивают так: «Ничего не купила, а деньги потратила». В самом деле, желая потратить на продукты рублей пятнадцать, женщина потратила всего 25 копеек. Тем не менее от крупной суммы в кошельке осталось всего 4 рубля 75 копеек. Заметьте, покупка «Шика» — это не *импульсивная покупка*, когда человек идет себе, идет, вдруг видит — на тротуаре стоит стол, и продавщица торгует вермишелью, тут человек вспоминает, что дома как раз нет вермишели, и лезет в карман... Нет, с покупкой «Шика» все не так. Десять, потраченных на лезвия, рублей — это *непредвиденная покупка*, типичное порождение дефицита. Она страшна тем, что женщина, вернувшаяся из магазина с одной буханкой хлеба и без денег, помимо воли оказалась в положении человека, не управляющего собственным бюджетом.

Непредвиденные покупки ждут нас на тротуаре каждый день. Мы выходим в магазин и, прежде всего, берем с собой много денег — на всякий случай, выходим и не знаем, с чем вернемся. Мы просто покупаем то, что попадется, а вовсе не то, что нам нужно. Задумывать

обеды, ужины, завтраки заранее — напрасная трата фантазии. Семейный бюджет, таким образом, оказывается легендой из учебника по политэкономии: что же это за бюджет, который не поддается управлению! Но если отдельная семья не способна управлять собственным маленьким бюджетом, то откуда же взяться управлению бюджетом целой страны! Другими словами, откуда взяться экономике!

Министерство финансов СССР, Государственный комитет СССР по ценам, Госплан СССР — это лишь малая часть многоэтажных и многокабинетных ведомств, призванных экономикой управлять. Да что там — экономику пытаются ухватить, вести ее под уздцы в бухгалтерии любого магазина: там с утра до вечера считают, считают, заполняют простыни-накладные, отправляют с курьерами, курьеры разлетаются по Москве... Но экономика ускользает. И для этого довольно одного маленького дефицита — бритвенных лезвий «Шик», репчатого лука, майонеза, дрожжей, вожжей...

Итак, «ничего не купившая» женщина вернулась домой все же без денег. Следовательно, дефицит — один из основных и самых верных способов удорожания жизни. Как вы помните, в продовольственном магазине женщина не увидела ни молока, ни кефира. Тогда она спросила продавщицу: «Будет кефир и молоко!», на что продавщица ответила: «Обещали привезти». Но наша женщина была не первой, кто задал этот вопрос. Во многих квартирах в той округе сидели люди и нервно поглядывали на часы: привезли или еще не привезли! Через некоторое время возле молочного прилавка собралась приличная толпа. А поскольку данная ситуация не улучшает личной жизни, то всякий стоявший в очереди ожидания прикинул (и чем дальше от прилавка, тем скорее), что лучше побольше накупить пакетов, только бы не идти в магазин завтра. Так что когда товар «выбросили», люди из той очереди ушли, едва волоча сумки.

Избыточные покупки — типичное порождение дефицита. Они очень удорожают жизнь. И это тоже непредвиденный расход, путающий бюджет. Вдобавок это еще и отвращение к жизни. В самом деле, само по себе хождение по магазинам — одна из самых больших радостей жизни. Во всем мире люди, когда им делать нечего, шляются по магазинам. Ради чужих магазинов наши граждане устремляются за границу. Смотреть на самые разные товары по-человечески приятно. Съедобные и несъедобные товары возвышают душу: ведь все они сделаны человеком. А по нашим магазинам шляются иностранцы...

Когда же люди накупают продуктов только для того, чтобы пореже за покупками ходить, то это и равносильно отвращению к самой жизни. Отвращение обходится чрезвычайно дорого: люди ничего не берегут — ни материальных ценностей, ни духовных, ни самих себя...

О дефиците написано много, но, пожалуй, не сказано, что он отдельного человека оглупляет и умело ведет в сторону отупления общественное сознание. Люди счастливы... с туго набитыми сумками: достали! Люди рады, что их квартиры заставлены коробками с резко пахнущим стиральным порошком, батареями консервных банок без запаха: достали! в магазин можно не ходить! Люди радуются своим запасам!.. Такова жизнь в атмосфере дефицита.

Прогрессивно мыслящие экономисты предложили верный способ борьбы с дефицитом: талоны. Клочок бумажки, оформленный так, чтобы его невозможно было подделать, воплощает вечную мечту человечества о справедливом распределении материального мира. В Москве этой мечте было суждено воплотиться в «талоны на сахар» (в других городах на мыло, чай, мясо, колбасу, масло...). И теперь от мно-

жества людей вы услышите, что еще никогда в их доме не было так много сахара. Конечно, сахар не пахнет, но его уже так много, что девать некуда. Скажите, как не купить очередную порцию, если выдали талон! Воплощенная мечта стоит денег — даже самый бескорыстный и мудрый, как змея, человек расстроится, если ему отоварить талон не удастся. Сколько огорченных, раздраженных покупателей уходят из магазинов, когда там нет сахара!..

Новая покупка товаров, которые дома и без того есть в избытке, очень сильно удорожает жизнь. В случае с талонами — в значительной степени насильное. Просто талоны оказывают такое одурящее действие на сознание. Не отоварить талон означает упустить шанс. Потеря талона — трагедия: слезы, сердечный приступ, бессонные ночи...

Мое поколение от родителей получило в наследство не пошедшие в дело отрезы. Помните, когда в магазинах было очень мало готовой одежды, люди хватали ткани — отрезы на пальто, платья, костюмы... Мы же оставим нашим детям трехлитровые банки с засыпанным сахарным песком и, пожалуй, завалы в наше время дефицитного туалетного мыла. Впрочем, у кого какие завалы...

От нас детям останется много всякой всячины, потому что мы стараемся покупать на века. Муж той женщины, которая купила две упаковки «Шика», может же и не прожить десяти лет, на которые рассчитаны эти прекрасные лезвия. На Западе они, правда, считаются почему-то одноразовыми. Наверное, потому, что бывают в продаже всегда. А у нас — это подтвердит любой мужчина — одно лезвие отлично бреет три-четыре месяца. А вот мне однажды попалось такое острое, что я его вправил в день рождения, а на следующий год в тот же самый день вправил следующее. Так вот, если тот счастливый муж побежит как-нибудь вечерком в магазин, предъявит продавщице свои семейные талоны на сахар, а продавщица скажет: «Нету, обещали привезти!», а на календаре будет десятый день другого месяца (талоны на один месяц действительны до десятого числа следующего — это так гуманно!), то ведь тот гладко выбритый мужчина может сильно расстроиться от упущенного шанса (и ведь несправедливость! несправедливость! сколько можно!), прийти домой, лечь на диван и помереть. От него останется детям его вечное: лезвия «Шик»... Пусть земля ему будет пухом! Который, кстати, тоже в жутком дефиците, и я не понимаю, почему Госплан, Минфин и Госкомцен не поставят, наконец, вопроса о введении талонов на пух. Даже аллергик на пух не откажется его купить, будь у него в руках талон на это маленькое семейное счастье!..

Стоит только возникнуть дефициту, как в мозгах многих людей одновременно вспыхивает проект «всеобщей справедливости»: талоны. И при этом — к чему скромничать! — каждому кажется, что это он один такой умный. Дефицит жизнь просто удорожает, но он все же оставляет человеку возможность одуматься, воздержаться от покупки, у него еще есть право управлять собственным бюджетом. Талоны же превращают любого человека в раба, насильно включают его в систему государственного управления экономикой, и удорожание его жизни становится совершенно неизбежным и со временем привычным.

Я насчитал чертову дюжину способов повышения цен. Повышения не грядущего, обещанного с введением рынка, а того, в атмосфере которого мы и без того живем давным-давно. О каждом можно написать отдельную статью. Кроме дефицита это низкое качество товаров, исчезновение товаров дешевых, составление наборов, которые запрещены Правилами торговли, как полиэтиленовая упаковка, это и перевод товаров, сделанных на государственном предприятии, в магазины Потребсоюза, и значок «Н» на товарах, повальный обсчет, обвес и т. д. и само собой, когда цена на товар повышается просто потому, что повышается. И получилось, что мы живем чертовски дорого, а значительная часть населения лишена самого необходимого. Если правда, что подвижные цены — главный признак рынка, то, значит, правда и то, что мы давно живем в условиях рынка и кто-то просто морочит нам голову, обещая «рыночные отношения». Это как если бы замужняя женщина оповестила всех о своей готовящейся свадьбе. Если бы действительно рынок начинался с цен и упирался в цены!..

В статье «Формула высвобождения» («Горизонт» № 3 за 1989 г.) уже говорилось о том, что наши экономисты не понимают, почему в разных странах люди живут лучше нас. Одни полагают, что это рыночные отношения, другие — высокая технология, третьи — суровое управление, четвертые, простите, зациклились на формах собственности, а один экономист даже пришел к тому, что все дело в том, кто присваивает «конечный продукт». На западную экономику смотрят в микроскоп.

Если же оторваться от окуляра, то мы увидим, что рынок, технология и т. п.— дела последние и второстепенные. Первое и главное — это создание хаоса. Только в условиях хаоса любой человек может заниматься тем, к чему у него больше лежит душа. В странах Запада поражает прежде всего обилие магазинов, ремонтных мастерских, гостиниц, конструкторских бюро, заводов, ателье, театров — это мир всего, что требуется человеку и что сделано человеком. И когда в стране человек не испытывает ни малейших затруднений, как бы мы сказали, с трудоустройством, только тогда и возникает экономика. В Советском Союзе не хватает магазинов, ремонтных мастерских, гостиниц, заводов — починить авторучку или устроиться на работу, к которой имеешь природную склонность,— проблема проблем. Население СССР работает там, куда удалось устроиться, люди работают теми, кем удалось стать, в основном против собственной воли. С 1985 по 1987 год не по специальности работали 132 400 выпускников высших учебных заведений и 431 400 выпускников средних специальных учебных заведений, в том числе инженеры, агрономы, зоотехники, ветеринарные и человеческие врачи, экономисты, педагоги с университетским образованием, фельдшеры... Это молодые специалисты, исчисленные Госкомстатом СССР только за два года! А сколько немолодых за предыдущие лета!.. Не подсчитаны те, кому поступить учиться вовсе не удалось: в стране не хватает учебных заведений на всех, введены экзамены в старшие классы средней школы — поступить в учебные заведения теперь дано лишь самым пробивным... родителям.

Страну душит смог призыва на принудительную воинскую службу. В самом цветущем возрасте, когда человек полон творческих планов, его загоняют в казарму. Это признается делом совершенно необходимым для каждого мужчины: перегореть в казарме, выйти из нее, готовым к любым страданиям и испытаниям. А какое самое сильное страдание! Конечно, неудовлетворенное желание, несбывшаяся мечта. Советский Союз — страна людей с печальными глазами. Об этом нам сказали иностранцы. Мы серьезные, угрюмые. Мы живем в мире строгих порядков, возможности наши ограничены, сквозь запреты удается прорваться преступникам — все же благонравное перед запретом останавливается и ждет, когда разрешат. Найти человека, который бы работал по профессии и сумел воплотить свои мечты, так же трудно, как воду в пустыне. А если такого человека и повстречаешь — он обя-

зательно страдалец. Работать ему не дают, мешают, а то и выгоняют со службы — это стало делом самым обычным. В 1988 году с иском о восстановлении на работу обратились 54 500 человек. Тех, кто не обратился, кто смирился с судьбой — явление наиболее распространенное,— Госкомстат СССР не считал. Из года в год число правдолюбцев растет. Сотни тысяч людей хотят работать — их увольняют. Представьте, как сильно должно быть желание работать, если человек даже обращается в суд! Но с желаниями людей считаться не принято. В уже упоминавшейся статье «Формула высвобождения» говорилось о том, что «высвобождение» запланировано — его предполагается к концу века довести до 18 миллионов человек. Тут победили те экономисты, которые счастье видят в высокой технологии — именно она бросилась им в глаз, когда они, зажмурив другой, глядели в микроскоп.

В магазинах, ремонтных мастерских, на заводах, в ателье — повсюду работают сплошь случайные люди, не имеющие к данной профессии ни малейшего отношения. В медицине, где жизнь каждого человека висит на волоске, случайных людей не меньше, чем где бы то ни было. Из-за незнания людьми своей работы полностью исчезли или деградировали целые профессии. Деградировала (да нет, исчезла!) профессия почтальона, например. Пропала профессия дворника. Встретить хорошего повара — редкостная удача. Хороший хлебопек, портной, сапожник, плотник — где они! С непритворным ужасом взираем на артистов балета, певцов, музыкантов, драматических артистов: одни старательно танцуют, как будто они акробаты, другие поют лужеными глотками — неестественными, нечеловеческими голосами, третьи в любой роли играют себя, четвертые дудят ноты, отделенные от собственного инструмента...

Зато — не знаю, как сказать мягче,— выведены две уникальные породы людей, наиболее активных в нашем обществе и чувствующих себя очень уверенно. Первые — так называемые «серости», которые на своем рабочем месте с необычайным жаром бросаются в так называемую «общественную работу», партийную, профсоюзную, комсомольскую, подглядывательную, подслушивательную и т. п. Они занимают места, получают зарплату как инженеры, артисты, врачи, редакторы, рабочие, однако круг их интересов выходит за рамки предписанного им должностной инструкцией. О них уже говорилось дважды: там, где шла речь о подающих в суды с иском о восстановлении на работе, и там, где шел поиск хороших поваров, портных, артистов, инженеров... «Серые» своей неизбывной массой выдавливают профессионалов, гнетут их, обрекают на душевные страдания.

Вторые — это сидящие за столами и ходящие по улицам с «дипломатами». Это совершенно уникальная порода! Миллионы людей, которые ничего не делают и делать не умеют, они только говорят, рассуждают, убийственно точно формулируют... Их жизнь состоит в писании каких-то бумаг, в принятии несбыточных решений, в ненужной подгонке цифири, в заполнении бланков «по установленной форме» и при этом в высочайшей требовательности к тем, кто подходит к их столу. Этих людей, чтобы скрыть их сущность, называют «чиновным людом». Но это неправда. Чиновники делали совершенно необходимую работу, нет, пожалуй, ни одной бумажки, некогда написанной чиновником и которая бы сегодня не хранилась бережно в архиве. Любой циркуляр из прежних времен диктовался юридическими нормами. Ныне тонны исписанных бумаг и заполненных когда-то бланков весело сдаются самими чиновниками в макулатуру или увязываются и выносятся на ближайшую помойку. Они не имеют ни малейшей ценности. Вернее, их

главная ценность в том, что их создали люди, прямо-таки созданные для этой в итоге бесцельной работы.

Целые отрасли народного хозяйства превращены в «сидячие»: там сидят за столами и посылают нас друг от друга. Такова, например, жилищная система, которая по идее должна бы собрать, наоборот, наиболее подвижных людей, поскольку тут дел невпроворот. Но вся жилищная система, начиная от рэу и кончая строительной организацией,— это цепь кабинетов с письменными столами, за которыми сидят пришпиленные к своим стульям. Сама Советская власть — это кабинеты, столы, часы приема, коридоры. Кабинеты, столы, часы приема — это партийная жизнь.

Вторая «порода людей» пока осталась нетронутой. Зато заметно изменилась «серая» масса. Она стала наступательной, поменяла цвет, скатываясь, стремительно взмывая, в черноту. Прежде она просто удушала профессионалов, ловила на просчетах, плела мелкие интриги — мешала работать и возводила непреодолимые стены. Теперь решительно от работы отстраняет. Лишает профессионалов заработка. Это опасное явление распространилось в редакциях некоторых газет, театрах, кино, институтах, в промышленности... Самыми лишними людьми оказываются внезапно журналисты, актеры, инженеры... «Высвобожденным» предлагается пойти на черную работу и в сферу обслуживания. Законы отступают перед веяниями — то перед молохом «высокой технологии», которая будто бы требует жертв, то перед «рыночными отношениями»... «Высокая технология» и «рыночные отношения», как теперь говорят, еще «в перспективе» (то есть в будущем), но жертвы «перспективы» понуро стоят уже перед досками объявлений с огромными списками профессий ручного и полуручного труда или идут на компромиссы, лишь бы не потерять свою работу...

Рыночные отношения не сделают жизнь счастливой. Это было бы слишком просто. Ее сделают счастливой только люди, которые на своем месте. Люди, которым никто не мешает работать и талантов которых не запрещают или не объявляют лишними.

Вдруг мы узнали, что где-то наверху на длительном, обстоятельном совещании решили, будто еще рано вводить рыночные отношения. Хотя уже было объявлено, что они вводятся с 1 июля с. г. Решили отложить до будущего года и «обязательно» посоветоваться с народом. Отсрочка означает, что, видимо, где-то еще не заготовили нужных бланков. Потом вдруг сообщили, что будут не рыночные, а планово-рыночные отношения, «регулируемые рыночные». Тут же нашлись противники, которые, разводя руками и подбирая без особых усилий «убийственные формулировки», ласкающие слух, утверждают, что планово-рыночных отношений не бывает и что нужен чистый рынок. Словесные перепалки тиражируют телевидение, газеты, радио... Бывает, все бывает! Бывают даже войны. Чего не было, так это — жизни, простой и не придуманной на совещаниях. Говоря о светлой дали (извините, о перспективе), не говорят о новых магазинах, прачечных, театрах, кафе, редакциях... Потому что человек у нас до сих пор никому не нужен. У нас все делается помимо него, без человека прекрасно обходятся. Это и понятно: исполнители самой вычурной идеи найдутся всегда. С «серой» массой никаких проблем никогда не было. Строго говоря, для исполнения идеи никогда еще и не требовалось слишком много народу. Для того чтобы посмотреть, какова ее идея «в жизни», требуется всего лишь один человек — тот, чья голова ее придумала. В мире, где люди живут полной жизнью, идеи кипят в книгах, но со страниц не сходят, а если сходят, то «охватывают» не всех, а лишь доб-

ровольцев. Давным-давно известно, что чем идея прекраснее, тем меньше ей надобно «все человечество»: ей совершенно безразлично, кто на нее работает — Вася или Валя. Еще ни одна идея не пострадала из-за того, что десятки миллионов людей сожгли в печах, закопали заживо, расстреляли, заморили голодом... Идеи живут вечно. Это человек смертен.

Рынок — прекрасная идея! А какая, скажите, идея содержится в свободе выбора каждым того, что ему больше по душе! Да нет в этом никакой идеи, это просто жизнь и ничего, кроме нее. Но мы жить не умеем, нас приучили к идейности. Мы несвободны! И детей учить свободе запрещено. Речь вовсе не о свободе предпринимательства — до столь высокой стадии развития общества еще дожить надо. Речь об элементарной свободе, о мире без запретов, условий, ограничений. Думается, сейчас нам сильнее всего не хватает зазывалы: он должен выйти из кабинета райисполкома на порог, приложить ко рту мегафон и крикнуть на всю улицу:

— Товарищи! Кто что умеет делать — идите сюда! Разрешаем! Все разрешаем и помогаем, чем можем!

Если еще остались у нас люди, которые не отчаялись и верят, что сумеют самореализоваться в этой жизни и у них потом нажитого и сотворенного не отнимут, то им необходимо предоставить деньги, землю, помещения, оборудование — отдать им все, что потребуется для их будущей работы. Отдать последнее — может быть, они сумеют вытянуть страну из принудительно организованного «светлого будущего всего человечества». Однако вместо этого под шумные разговоры о «введении» рыночных отношений и о бешеных ценах, которые будут правильными, не очень сплоченные, зато отлично организованные общественные организации тихонько и негласно присваивают лучшие городские постройки, земельные территории, санатории, больницы, типографии... Мы на глазах оказываемся в некоем средневековом обществе, в котором все лучшее (включая, разумеется, и человеческую жизнь) принадлежало церкви, и поныне не забывшей своего былого богатства. Именно богатство, по мнению тогдашней церкви, определяло место в обществе и право на Управление им. Конкретные же люди, на которых держится современный цивилизованный мир, не знают, с чего начать: им ничего для работы почему-то не дают. Наоборот, отнимают даже то, что имеют: государственную службу, например.

Нет, лишь после того как граждане примутся работать добровольно, а не по необходимости, и можно будет создать Управление экономикой. Смысл Управления должен будет состоять в оказании посильной помощи тем, кто не рассчитал свои силы или сил тех не имеет вовсе. И ни в чем другом! Государство должно любить своих граждан и всемерно помогать им во всех начинаниях, кроме опасных и безнравственных. А вовсе не наоборот, как это делается сейчас: сперва создается Управление, а потом «под него» подыскивается «народ». Так было с четырьмя министерствами строительства в южных, северных, западных и восточных районах. Их создали, а чуть не год спустя неожиданно выяснилось, что у них с рабочими плохо и они, понимаете ли, «вынуждены» привлекать даже иностранных рабочих (см. «Горизонт» № 8 за 1989 г.— «Приключения иностранцев в России»).

Как видите, обо всем этом уже говорилось, но тем, кто нынче ведает Управлением (изобретает реформы, не нуждаясь в людях), читать, вероятно, просто некогда. Да и к чему! Все равно там наконец-то поняли все: нам нужен рынок. И да будет.

Михаил Москвин-Тарханов

КАКИМ БЫТЬ ЦЕНТРУ?

Принятие нового закона «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» создает предпосылки для создания более совершенной инфраструктуры нашего общества, к переходу жизни на местах, или, как говорили в старину, «в городах и земствах», на качественно новую ступень. Однако, являясь безусловным благом для большинства местностей нашей страны, на некоторых территориях, в силу особенности их развития и структуры сложившихся в них социальных и экономических отношений, он может привести к появлению новых диспропорций и социальных конфликтов. Одной из таких территорий, где могут произойти естественные искажения целей и задач нового закона, может, к сожалению, стать центр столицы.

Попробуем представить себе, как же проявится действие нового закона в центре Москвы, естественно исходя при этом из конкретных, уже сложившихся на сегодняшний день социальных и экономических отношений.

Первое, что необходимо отметить в связи с такой постановкой вопроса, это странный административный статус Центра Москвы. Центральная часть города разрезана, как некий пирог, на узкие сегменты, принадлежащие 13 «внутренним» московским районам. Из каждого такого района в Центре проживает лишь небольшая часть его жителей (во Фрунзенском, Свердловском, Дзержинском районах не более 10% от общего их числа). Население Центра, хоть и превышает количественно население среднего московского района, тем не менее уступает крупнейшим из них. Иными словами, по числу жителей Центр мог бы быть одним из московских районов, однако по каким-то причинам этого не произошло.

Сегменты, на которые он поделен, по мере приближения к Кремлю становятся все уже и уже, и, сделав несколько шагов, москвич переходит в другой район. А в результате — дети не могут ходить в ближайшую к дому школу, детский сад, поликлинику, административные учреждения района находятся часто на другом его конце. Границы районов проведены причудливо и прихотливо, в них нет ни системы, ни какого-либо разумного принципа, они напоминают границы государств, а не муниципальных дистриктов.

Второе, что бросается в глаза,— это относительная однородность Центра. Он представляет собой преимущественно деловую часть Москвы, во всех его районах имеется общность проблем и соответственно предполагается определенная общность подходов к их решению.

В-третьих, Центр является режимной зоной, где расположено большинство правительственных и государственных учреждений СССР и РСФСР, множество посольств и дипломатических представительств.

В-четвертых, центральная часть столицы является зоной, где с давних времен особенно остро проявляются многие неблагоприятные для культурной и социальной среды факторы. Здесь надо отметить в первую

М. Москвин-Тарханов — депутат Фрунзенского райсовета г. Москвы от блока «Демократическая Россия»

очередь застарелое неблагополучие с жильем: большое количество коммунальных квартир, постепенное сокращение жилищного фонда за счет обветшания строений и заселения зданий в Центре организациями. Кроме того, на его жителей неблагоприятно влияет сильнейшая перегруженность транспорта не только в часы пик, но и в дневные часы, сотни тысяч приезжих, очереди в магазинах и толпы на улицах. Центр притягивает к себе преступный мир, милиция и уголовный розыск с трудом контролируют ситуацию. Здесь много случаев хулиганства среди молодежи, которая стекается сюда из других районов. Очень неблагоприятная экологическая обстановка: большая загазованность, запыленность, недостаток зелени. Проблемы Центра не решались годами, а в настоящее время ситуация еще более усугубилась.

Так что жизнь в Центре хоть и имеет много положительных сторон, но тем не менее отнюдь «не сахар» для его постоянного населения.

И наконец, в Центре расположены все заповедные исторические места, по сути, он весь представляет собой охранную зону, что, естественно, в свою очередь, требует ответственного подхода к решению его проблем. Нельзя забывать, что перед нами не просто центр какого-то города, что московский Центр — это на самом деле и есть та самая историческая Москва — сердце Русской земли.

Непредвзятый анализ ситуации, возникающей при введении в действие Закона о местном самоуправлении, на этом фоне внушает острейшую тревогу и беспокойство. То, что закон открывает возможности для коммерческой инициативы на уровне города и даже районов,— величайшее благо для многих местных обществ, и в то же время для Центра Москвы это непременно обернется катастрофой, если не будут приняты немедленные эффективные меры.

Дело в том, что Центр Москвы по своим возможностям... это Клондайк, Голконда, Эльдорадо или, скажем, Тюмень, естественно, для предприимчивых и оборотистых коммерсантов. Богатство здесь лежит под ногами, пылится в подвалах, ветшает, разваливается, раздается даром разным «мособлдорстройсбытснабам».

Это богатство в первую очередь земля. Арендная плата за земельные участки, расположенные в Центре, для ряда учреждений, предприятий, иностранных фирм, кооперативов и частных предприятий по всем законам рынка будет расти быстрее, чем цены на золото и бриллианты, и установится на очень высоком уровне, как это имеет место во всех городах мира.

Это, во-вторых, иностранный туризм и бизнес. Свободный или хотя бы «полусвободный» рынок, перестройка деловой и общественной жизни, открытость границ породят новые и новые волны общественных деятелей, туристов, журналистов, коммерсантов и разного рода международных «жучков», стремящихся в Москву. Следовательно, ожидается бум в туристическом бизнесе и возрастет необходимость строительства гостиниц именно в Центре.

В-третьих, наши соотечественники. Рабочие и кооператоры, частники и классные специалисты из госсектора, фермеры и модные адвокаты будут приезжать с большими деньгами и с твердым намерением их тратить. Даже если в Кондопоге или Бийске будет в магазинах 70 сортов сыра (что маловероятно), и тогда все равно гостю оттуда захочется в Москве еще и 71-го сорта попробовать. Столица, чай!.. Это еще одна дополнительная доходная «скважина» в Центре. И даже если серьезной перестройки в нашей стране в обозримом будущем не произойдет (чего, к сожалению, и сейчас еще нельзя исключить) и не повалят валом отечественные «набобы», то и на нынешнем грошовом «колбасном» туризме можно в Центре делать немалые деньги.

Хорошо это или плохо? А это как посмотреть! Смотря куда и на какие нужды пойдут эти доходы, кто их будет распределять, кто и как будет распоряжаться в Центре, заботиться о его жителях, его архитектуре, его культуре.

Районы? Те самые тринадцать «внутренних»? Сомнительно... От Центра в каждом райсовете депутатов процентов 10—15, да из них больше половины не его жители, а работающие в Центре. На них ведомственный интерес хочешь не хочешь, а давит. А у ведомств, что расположены в Центре, по отношению к нему основная забота — чего-нибудь еще приобрести для себя да занять под свои нужды. И «ведомственные» депутаты в кардинальных решениях будут связаны по рукам и ногам. Слабое получится «центральное лобби» в райсоветах. А соблазн у депутатов и исполкомов будет велик и вполне понятен: создал, например, в Центре на базе трех ветхих строений, скажем, совместное предприятие (а по новому закону это теперь можно и райисполкому) и одним махом решил проблемы в новом «спальном» или старом промышленном микрорайоне далеко за пределами Садового кольца. В другом же месте аналогичное предприятие и десятой доли этого дохода не даст.

А Моссовет имеет еще больше возможностей: взять, к примеру, сто домов, сделать двадцать совместных предприятий и отстроить новый район где-нибудь за кольцевой автодорогой. И такое возможно при любой власти — при самой левой и самой правой, при популистской, центристской, кадетской, христианско-демократической. Рынок есть рынок, он выше партии и их программ!

Пожалуй, на республиканском и союзном уровнях коммерческий интерес к Центру должен ослабеть — мелковаты проблемы, не тот масштаб. Однако простой и незатейливый территориально-ведомственный интерес на этом уровне действует мощно и неукротимо, как могучий горный поток, затопляя целые кварталы, разливаясь по площадям и улицам. Пройдите по Москве, посмотрите, как необъятно раскинулись в ней крупнейшие ведомства. И чем могущественнее оно, тем больше заняло территории. И сразу понятно, что КГБ мощнее МВД, АПН пожиже комбината «Известия». И Моссовету здесь не справиться, ни демократическому, ни какому-либо другому, ибо приоритет центральной власти над местной неоспорим. «Побрыкаются» немного, «слупят» с соответствующего ведомства что-нибудь для города полезное и отдадут еще пару кварталов какому-нибудь грандиозному учреждению с мраморным вестибюлем и стаей черных машин у входа.

Самое страшное в этом — стихийность! Правая нога будет не знать, что делает левая рука. «Золотоискатели» будут наперегонки столбить землю в Центре, используя для этого бесчисленные противоречия, существующие сегодня на разных этажах и в разных отсеках власти. Про злоупотребления не хочется даже и думать, пусть на эту тему болят головы у прокуроров. ...Впрочем, я, кажется, напрасно говорю об этих проблемах в будущем времени, похоже, что процесс разбазаривания Центра уже начался.

И рано или поздно обернется все это для жителей Центра, если не принять меры, катастрофой. Будут они сидеть на драгоценной своей земле и ничего хорошего от этого не иметь. Между тем проблемы мегалополиса будут сгущаться, концентрироваться, и настанет момент, когда

последние жители Центра сами побегут в другие районы и Центр постигнет участь лондонского Сити.

Ну и что, скажут многие, пусть так и будет! Пусть будет деловой центр и жилые окраины, это нормально... Да нет, совсем это не нормально! И именно лондонцы первые поняли это, поняли, когда изменить что-либо было уже невозможно.

Представьте себе Центр, наполненный деловым кипением, но лишенный обычной городской жизни, без играющих детей, без старушек на лавочках. Не правда ли, он будет производить и днем впечатление странное и отталкивающее? Ночью же эти места будут пустынны и черны. Такой мертвый безжизненный Центр создает у случайного прохожего тяжелое, тягостное впечатление уже сегодня после восьми вечера. Гулко отдаются шаги в пустынных переулках, пьяная компания вдали шумит у ресторана, медленно проезжает полицейский автомобиль... Но это все, конечно, лирика!

Если же анализировать ситуацию бесстрастно, то нетрудно предсказать, что анархия и произвол собственников и арендаторов без надлежащего контроля приведут к разрушению экологической среды, разрушению исторического и культурного облика Центра. Произойдет втягивание в его орбиту еще нескольких дополнительных сотен тысяч приезжих и служащих контор, превращение его в место бесконечной миграции, в людской водоворот, «новый Вавилон». Центр потеряет свою притягательность, с ним случится то же, что с выработанными копями или скважинами,— он станет ненужным, непривлекательным краем административных зданий и серых трущоб. Такова будет плата за бездумную хищническую эксплуатацию. Мы безвозвратно потеряем то, что должны по всем законам человеческого бытия сберечь. А потери и так уж чрезмерно велики, осталось совсем немного...

Прокурорский надзор, государственная инспекция, советы всех уровней, скажут некоторые, смогут обеспечить нормальное развитие Центра. Это, увы, не срабатывает в должной мере даже «у них», а уж при наших порядках нетрудно представить себе, что получится из этого контроля. Все будут говорить о «чувстве хозяина» и о «боли за родные исторические памятники», и под эти разговоры Центр будет разрушаться, безобразно перестраиваться, умирать.

Выход один: здесь должны жить люди, те, которые могут и должны протестовать, вмешиваться, регулировать и управлять жизнью в Центре. Их собственные выборные органы должны заведовать Центром как единой культурной, исторической и административной зоной, а не те самые 13 исполкомов недостаточно «внутренних» районов. Как же к этому подойти?

Один из путей к реорганизации Центра может лежать через создание консультационно-координационного депутатского совета по делам Центра, сформированного из депутатов райсоветов и Моссовета от центральных частей всех 13 «внутренних» районов Москвы, а в дальнейшем через проведение референдума среди жителей Центра по поводу дальнейшего развития этой территории и переходу к особому типу самоуправления. В результате должны быть созданы новые управленческие структуры, имеющие широкие полномочия в области самостоятельной хозяйственной деятельности.

В Центре, как уже говорилось выше, имеются уникальные возможности для раскрытия заложенных в Законе об основах местного самоуправления и местного хозяйства принципов хозяйственной самостоятельности. Это может позволить создать реальные предпосылки для

возрождения и обновления его. Заработанные внутри города средства (и валюта в том числе) могут быть израсходованы на расселение коммуналок в зоне Центра, на финансирование капитального ремонта всех строений, независимо от их принадлежности к личному, кооперативному или государственному сектору, на реставрацию и охрану памятников старины и культуры, на создание программ по возрождению и сохранению московского быта, на решение ряда экологических проблем, на отселение ненужных Москве учреждений и создание на их месте жилых домов и объектов социально-бытового и культурного назначения, на создание специальных подразделений муниципальной милиции для охраны порядка, на решение наболевших транспортных проблем, на меценатство, реставрацию церквей, на создание воскресных школ, лицеев и колледжей, на широкую благотворительность, развитие системы социальной защиты неимущих, одиноких, престарелых и многосемейных граждан.

Однако без радикального преобразования правового положения Центра в составе Москвы ни местное самоуправление, ни активность его жителей не смогут ничего изменить. Слишком неравны силы!

Что же можно предпринять, чтобы уравновесить давление ведомственных и местных интересов и положить предел анархии в «освоении» Центра ведомствами и фирмами?

Принятое постановление о регулировании проведения митингов и демонстраций в пределах Садового кольца вызвало бурю протестов среди депутатов Моссовета и подвергается критике в левой прессе. Однако, по-видимому, еще не раз будут происходить конфликты между различными эшелонами власти в Центре Москвы. Появились в статьях слова о «президентском домене», авторы которых, к сожалению, употребляют это словосочетание (причем не слишком удачное) для усугубления оценки ситуации и подчеркивания президентской «неправоты». А между прочим, единственным разумным решением проблемы Центра было бы именно создание особого государственного (федерального) округа на территории Центра, подчиняющегося мэру, назначаемому Президентом и входящему по должности в Президентский совет. Мэр и его аппарат могли бы осуществлять административные и властные функции по охране порядка и обеспечению безопасности на территории Центра. Кроме того, они бы регулировали и некоторые аспекты хозяйственной и социальной жизни. Так, например, в Англии на протяжении многих лет существовали Совет Большого Лондона и Совет Сити во главе со своим мэром, который относительно независимо регулировал жизнь Сити.

При таком решении, с точки зрения нового муниципального закона, Центр Москвы мог бы приобрести статус административной единицы первичного территориального уровня самоуправления и в вопросах хозяйственных координироваться Моссоветом, однако не как обычный городской район, а на основе специального договора. Его мэр по статусу мог бы являться председателем Совета Центрального государственного (президентского) округа и должен был бы проходить утверждение на совете. Другим механизмом назначения мэра могли бы быть выборы его на совете и предложение им своей кандидатуры Президенту. Но это уже детали. Главное то, что Центр нашей столицы должен стать зоной президентского управления.

Представляю, как первый же демократ, прочитавший эти строки, ищет увесистый камень, чтобы запустить им в автора этой статьи. Остановитесь! Подумайте! О какой демократии на местном уровне может

идти речь там, где сталкиваются гигантские силы, могущественные интересы? Жалкие песчинки демократического самоуправления будут раздавлены ведомственными, союзными, республиканскими, моссоветовскими, «общественно-организационными» жерновами. Теперь представьте себе, что на Центр распространится непосредственная власть Президентского совета. Это даст огромную защищенность органам местного самоуправления, реальную, а не фиктивную независимость. И можно быть уверенным, что «команда» Президента не будет вмешиваться в обычные проблемы хозяйственной жизни и в муниципальную деятельность Центра, что реально создаст необходимые условия для осуществления демократических преобразований на местах. Кроме того, можно будет использовать и некоторые дополнительные возможности, вытекающие из такого статуса, для налаживания жизни в Центре. Пути развития различных регионов могут сильно отличаться друг от друга, и не существует, по-видимому, единых рецептов на все случаи жизни.

Таким образом, наилучшим решением проблем Центра Москвы является его переход под непосредственное президентское управление. Возможно, для многих других исторических центров крупнейших городов и столиц союзных республик также оптимальным вариантом будет переход под непосредственное управление субъектов верховной власти соответствующих союзных республик.

Белла Леонидова

ДОЧЬ-ГИМНАЗИСТКА, СЫН-ЛИЦЕИСТ

Короткий диалог:

— Наслышаны, Сергей Львович, что сынка вашего приняли в Лицей!

— Как же, как же, Сашка мой нынче уже лицеист!

— Поздравляем-с от души!

— Благодарствуйте...

И сразу возникает в воображении кудрявый быстроглазый мальчик в синем мундире с красным воротником, его друзья, строгое, стройное здание царскосельского Лицея...

Сегодня, спустя без малого два века, в Москве можно услышать похожие разговоры:

— Подали заявление в лицей, через две недели экзамены. Костя волнуется, во что бы то ни стало решил поступить!

— Поступит. Он ведь в школе хорошо учится.

— Так-то оно так, да ведь конкурс какой! А вы что решили насчет дочки?

— Нам повезло: гимназия открылась на соседней улице!

Для москвичей уже не новость: в прошедшем учебном году три гимназии и два лицея приняли первых своих учеников. С сентября этого года прибавится еще пять и три, значит, всего восемь гимназий и пять лицеев, по сравнению с количеством средних школ в столице (больше тысячи!) — капля в море. Но это лишь начало.

Гимназия, лицей — для нашего слуха нечто старорежимное, из «раньшего времени», вроде обращения «милостивый государь мой», корнет Оболенский... Зачем, почему, для кого?

Уточним сразу: отнюдь не из-за ностальгии по прошлому. Новые учебные заведения можно было бы назвать и по-другому, дело не в названии, а в сути, в задачах, которые они перед собой ставят и которые достаточно емко сформулированы в Примерном положении о гимназиях и лицеях:

формирование интеллектуального потенциала общества;

выявление наиболее одаренных и способных детей;

создание им условий для развития индивидуальных способностей;

подготовка к получению высшего образования и к творческому труду в различных сферах научной и практической деятельности.

Неизбежно кто-то возмутится:

— Боремся с привилегиями и в то же самое время создаем новые! Почему это одни дети будут заниматься в особых условиях, а другие в обычных?! Опять все для элиты?!

Расставим точки над i.

Наша средняя школа не справилась ни с обучением, ни с воспитанием своих питомцев. Тем, кто в запальчивости потребует доказательств, можно посоветовать только одно: оглянитесь вокруг.

Последняя школьная реформа, которая столько сулила и даже обсуждалась на Пленуме ЦК КПСС, растаяла, как снег весной, при соприкосновении с нашей реальностью. Лишь кое-где остались ее незначительные следы.

Школа попала в заколдованный круг: она плохо учит, потом ее плохо обученный и еще хуже воспитанный выпускник попадает в педагогический институт, вынужденный ориентироваться на слабого студента. Вряд ли за пять лет сумеет институт «вылепить» из такого «материала» сильного профессионала. Потом учительский диплом дает его обладателю право вновь вернуться в школу и УЧИТЬ... И все по-новой! Есть, есть исключения, есть одаренные, яркие, талантливые, но разве одними исключениями накормишь нашу школу!

Ориентировка на среднего ученика стала в школе привычной, закономерной. Поэтому так расцвело репетиторство: все знают, что со школьными знаниями поступить в желанный вуз почти невозможно. Подготовка в институт, как правило, обеспечивается родителями — вот тут и в самом деле условия не равны: кто-то из родителей в состоянии оплатить весьма недешевые услуги репетитора, кто-то такой возможности лишен. Вот вам и неравенство. Гимназия и лицей начисто его отсекают: если у подростка есть способности, есть желание работать в полную силу — да ради Бога, вот все для тебя: учись, трудись, и вопрос о поступлении в высшее учебное заведение будет для тебя решен без участия родителей. Не говоря уж о том, что в этом случае институт получит, несомненно, одаренного и проявившего свою склонность к избранной профессии студента, а в другом — нередко натасканного репетитором случайного человека, сомнительный подарочек для вуза!

«Дети все равны, а способные, неспособные — кто это решает»,— заявление чисто демагогическое. И насчет постулата, что «дети все талантливы»,— тоже можно поспорить. Конечно, все дети, как и все взрослые, пусть будут здоровы, сыты, одеты-обуты, счастливы, веселы, защищены, обучены, но не всем же отпущены от природы равные способности. Это настолько банальная истина, что даже неловко ее повторять, но приходится: нас так приучили к уравниловке, не к равенству, которого никогда не было у нас в действительности, а именно

к уравниловке, от которой в силу длительной привычки многие отказаться не в состоянии, что это смертельно мешает буквально на каждом шагу. Приверженцы псевдоравенства еще признают, что не все могут танцевать на сцене Большого театра или петь, как Дмитрий Хворостовский, но стоит чуть отойти от такой вот несомненной очевидности — и сразу начинается!..

Наша средняя школа прошла уже несколько стадий ориентации: на плохого ученика, на среднего, пришла пора ориентироваться на хорошего, даже очень хорошего. И так как массовая школа ПОКА (подчеркнем это слово) в силу своей педагогической отсталости и бедности позволить себе такой роскоши не может, а время больше не ждет — созданы гимназии и лицеи.

Чтобы поступить в лицей или гимназию, требуется одно: выдержать конкурсные экзамены. Выдержал — поступил, и никого не интересует, кто твои родители, в отличие от дореволюционных лицеев, куда принимались только дети дворян и сановников, и гимназий, откуда изгонялись «кухаркины дети».

В ГУНО сказали: «Хорошо бы отобрать действительно самых способных, самых достойных ребят! Элита? Что ж, речь ведь идет не об элите родителей, а об элите детей!» А я тут же вспомнила — наверное, некстати! — страничку из тыняновского «Пушкина», где министр и государственный секретарь Сперанский размышляет о создании первого в России лицея: «Отобрать одних достойных не придется — все та же великая беда России: случайность и покровительство». Но кто знает, может быть, в наши дни этих «великих бед» можно будет избежать? Надо же восстанавливать интеллектуальный потенциал общества, без этого одичаем окончательно.

За многие десятилетия у нас так старательно перепахали тонкий культурный слой, что дружно взошли все беды: хамство, непрофессионализм, рвачество, недобросовестность, нетерпимость, виртуозное умение любую глупость возводить в принцип, а чушь и бред выдавать за истину.

Гимназии и лицеи пока что существуют на основе экспериментального Примерного положения (вот сколько осторожных оговорок), им еще предстоит утверждаться, а, возможно, в чем-то и меняться, основываясь на опыте. Но первый год работы позади, интерес москвичей к новой форме обучения большой, вопросов много. Первый: чем отличается гимназия от лицея?

«В гимназию принимаются дети с первого по одиннадцатый класс. Состоит она из прогимназических классов (I—IV классы начальной школы, V—VII классы основной школы) и собственно гимназии (VIII—XI классы, XII — по желанию). Комплектование первых классов осуществляется специальной комиссией по данным диагностирования на психологическую готовность ребенка, независимо от места жительства, с приоритетным правом проживающим вблизи гимназии» (!).

Если этот жуткий канцелярский язык перевести на доступно-человеческий, то получится: родители, желающие определить своего ребенка в гимназию, должны в указанный день привести его в приемную комиссию, где с ним побеседуют на уровне его возраста. Комиссия — педагог, врач, психолог, логопед — убедится, что ребенок хорошо развит, без отклонений от нормы, и зачислит в ученики в первую очередь того, кто живет поближе.

Прием в последующие классы, если есть свободные места, тоже проводится после собеседования, с учетом данных ребенка. А вот

в восьмой, уже по-настоящему гимназический класс можно поступить, только выдержав конкурс, и при том, что склонности ученика совпадают с направленностью гимназии. То есть, если Игорь решил стать авиаконструктором, вряд ли ему стоит стремиться поступить в гимназию с педагогическим уклоном. Эта гимназия с радостью примет Катю, уже с третьего класса мечтающую учить детей, как Марья Семеновна.

В отличие от гимназии лицей среднюю школу в себя не включает. Лицей принимает только в старшие классы и только тех, кто прошел конкурсный отбор.

Считается, что у гимназий более гуманитарное направление, у лицеев — более техническое, но это чисто условное деление, и в нынешнем году рамки, очевидно, будут стерты.

После окончания гимназии выпускники получают аттестаты о среднем образовании с указанием типа учебного заведения, что значительно облегчает для них поступление в институт. У лицея «привязка» к вузу серьезнее: выпускные лицейские экзамены по договору с вузом могут рассматриваться как вступительные в институт.

...В лицее № 243, который работает на базе МИИТа и расположен рядом с ним, был день открытых дверей.

Мне не пришлось спрашивать дорогу: взрослые и подростки шли густо, как на демонстрации, в одном направлении — к лицею. Небольшие группы «экскурсантов» лицеисты водили по классам и кабинетам, рассказывали, показывали, а потом на вопросы отвечал сам директор лицея Сергей Александрович Померанцев.

— Что требуется для поступления в лицей?

— Письменное заявление родителей и, конечно, сданные конкурсные экзамены.

— Много экзаменов?

— Один. Зачем ребятам нервное напряжение в течение нескольких дней?! Одна работа сразу по всем предметам: вопрос по математике, вопрос по физике, по истории, по литературе. В пределах пройденного в школе.

— Но по истории?..

— А что «по истории»! Например, такой вопрос: изложение любого параграфа учебника.

— Даже древнегреческий миф можно пересказать?

— Пожалуйста. Важен уровень мышления, логичность, грамотность, литературность изложения.

— Собеседование обязательно?

— Только для тех, чья письменная работа вызвала сомнение.

— Место жительства имеет значение?

— Нет. Ребята взрослые, могут ездить из любого района, если есть желание.

— Ставят лицеистам отметки?

— Обязательно, в течение учебного года. Четвертных оценок нет. У нас семестровая система: ребята сдают зачеты за полугодие на отметку, по пятибалльной системе.

— Какие иностранные языки изучают в лицее?

— А какие бы вам хотелось? — отвечает директор вопросом на вопрос.

— Хотя бы итальянский!

— Итальянский изучают.

— А японский, а хинди? — не без ехидства спрашивает кто-то.

— Пожалуйста. Наберется человек восемь — десять желающих — будут учить японский или хинди.

Сказано не для красного словца: с восьмого класса лицеисты изучают два языка, а лицей имеет возможность пригласить специалиста по любому языку.

Кроме обязательных, так называемых инвариативных предметов, которые преподаются в обычной школе, ученики лицея занимаются предметами вариативными. Знаете, сколько их? Даже страшно выговорить — 47! Бионика, экологические проблемы, программирование, история античной литературы, западноевропейской, современные бальные танцы и прочие, и прочие...

Ежедневно — час физкультуры. Не в школьном зале, а в спортивных секциях и бассейне МИИТа. И танцы. Танцы обязательно. По расписанию два раза в неделю, а практически — каждый день.

В «Крокодиле» поместили рисунок: девицы в бальных платьях приседают в грациозном поклоне, а рядом стоят ультрасовременного вида их однолетки и говорят, не то с осуждением, не то с завистью: «Их школу переделали в лицей!» Шутка шуткой, а что-то в этом есть...

До двенадцати часов ребята занимаются обязательными предметами, потом обедают (тут пока похвалиться нечем: обед нормально-школьный, то есть плохой), а затем факультативы, физкультура, танцы... Заняты до вечера, но все довольны, потому что интересно, потому что разнообразно, потому что окружены уважением и вниманием. Домашних заданий практически нет (кроме литературы — читать надо много!) и иностранного языка (без зубрежки языка не одолеешь).

Опять вопросы: ну, хорошо, собрали способных ребят, прекрасный педагогический коллектив — Сергей Александрович сам набирал, как он выразился, «свою команду»,— но откуда все-таки такое роскошество? На просвещенческие гроши?! Правда, для лицея (и гимназии) дополнительно выделяются десять ставок учителей и полторы ставки учителя для оплаты отдельных лекций, циклов, курсов на договорной основе со специалистами высшей квалификации. Учителя (все!) получают на 15 процентов заработную плату выше, чем в обычной школе, но ведь и этого недостаточно — хорошее обучение стоит дорого, это усвоено во всем мире. У лицея, как это нынче водится, есть спонсоры: прежде всего МИИТ — институт инженеров транспорта, затем Министерство путей сообщения, фабрика «Детская книга» и другие. Они помогают очень солидно и не по принципу «вы — нам, мы — вам», а по принципу развитого цивилизованного общества: надо поддерживать новое, важное для всего общества и для каждого дело.

— Собираемся учредить стипендию для хорошо успевающих учеников,— как о нечто совершенно естественном заявляет Померанцев.— Думаю, рублей в тридцать, при отсутствии троек...

— Что вы считаете главным в своей повседневной работе?

— Уважение к личности ребенка,— не задумываясь отвечает он.— И вот...

Достает отпечатанные листки и читает вслух: «Главное правило доброй методы или способа учения состоит в том, чтобы не затемнять ум детей пространными изъяснениями, но возбуждать собственное его действие».

— Это постановление о царскосельском лицее. Каково, а?! Лучше не скажешь.

В отличие от лицея № 243, открытого на «чистом месте» (после длительного капитального ремонта), гимназия № 388 родилась на основе старой школы, где еще в 1979 году открылся педагогический класс.

Десять лет педагогический коллектив и администрация школы экспериментировали, вносили свои изменения в программы по педагогике и психологии, потому что их не удовлетворяли готовые. Уменьшали количество одних предметов, увеличивали число других, ввели углубленное изучение истории и математики, иностранных языков... Десятилетний эксперимент привел к тому, что школа стала педагогической гимназией. Теперь в ней есть два отделения — историко-филологическое и физико-математическое, планируется еще и логическое. Восьмые классы стали полностью гимназическими.

Директор гимназии Анатолий Георгиевич Каспржак, молодой, энергичный, подтянутый, как и директор лицея Померанцев, считает, что гимназия «еще в самом начале пути и замыслы реализованы процентов на тридцать, не больше!».

— К нам приходят ребята тринадцати—четырнадцати лет, и все, почти без исключения, недостаточно развиты, то есть общий уровень развития ниже, чем у 10—11-летних детей среднего класса дореволюционной России.

— Подумайте,— продолжает директор,— дети приходили в первый класс гимназии, умея бегло читать, грамотно писать, зная арифметику, многие из них знали языки... Поэтому наша важнейшая задача — умственное и духовное развитие учеников.

Как решают эту задачу в гимназии?

Введены специализированные курсы и факультативы, изучение мировой художественной литературы, основы психологии и педагогического мастерства, латынь (я побывала на уроке латыни в десятом классе — необыкновенно интересно! Только беда: нет учебников, учитель пользуется учебником, изданным в Голландии!). Большое внимание уделяется общей гуманитарной подготовке, индивидуальной развивающей деятельности: педагогической практике, выпуску школьных газет и журналов, участию в драматической студии школы.

— А итог?

— Итог — сознательный вторичный выбор профессии. Сейчас у нас в двух педагогических классах 54 человека, из них 31 собираются в МГПИ, думаю, что не меньше двадцати пяти поступят... Учителя надо готовить еще со школы. Подготовить наших учеников к педагогическому труду и пробудить постоянный интерес к нему — это цель, к которой мы стараемся приблизиться всеми силами. Если мы не будем ориентироваться на интеллигентного учителя, который, придя в школу, сможет восстановить прерванную цепь,— если не мы, то кто же...

На творческом семинаре школьных директоров района я оказалась рядом с начальником Куйбышевского РУНО Владиславой Леонидовной Касьяненко, и она, в разговоре, коротко перечислила необходимые для существования гимназии факторы: стабильность квалифицированных педагогических кадров — раз, заинтересованность высших учебных заведений в подготовке абитуриентов — два, талантливый директор — три и... спонсоры. Нужны деньги, куда денешься!

Маленькая информация: гимназии и лицеи создаются не только в столице, рекомендовано открыть их во всех регионах как научно-методические центры, которые будут осуществлять поиск, разработку

и внедрение нового содержания обучения. Кое-где они уже появились.

Интересно, как относятся директора обычных московских школ к лицеям и гимназиям?

Мне удалось поговорить с тремя, все ответы я приведу, только первые два не называя фамилий:

— Навидались мы экспериментов! Потрепыхаются и успокоятся, сил надолго не хватит.

— Знаете, если бы нам создали такие же условия, мы ничем не хуже!

Третий ответ прозвучал так:

— Нашу школу уже сейчас можно приблизить к гимназии! Мы бы с радостью использовали многое, например, опыт конкурсного приема в старшие классы, углубленное изучение литературы, эстетики, привлечение преподавателей вузов для уроков и лекций, компьютеризацию гуманитарного обучения... И спонсоров найдем, они необходимы, собственно говоря, они у нас и сейчас уже есть...

У Инны Дмитриевны Евграфовой, директора «английской» школы № 1224 (63) Железнодорожного района, когда она все это говорит, блестят глаза от предвкушения большой работы (с нового учебного года ее школе разрешили заниматься по экспериментальным программам с тем, чтобы постепенно перейти к статусу гимназии). Очевидно, из всех условий, необходимых для процветания гимназий и лицеев, на первое место все-таки выходит талантливый директор.

В добрый путь!

Елена Литвин

О БЕДНОМ АРХИВЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

Типичный случай из истории государственной культурной политики

Более 20 лет каждое утро переступаю я порог старинного особняка, построенного по проекту Жилярди в начале XIX века.

Я работаю в Отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Отдел был создан в 1935 году. Основой его фонда стал Литературный музей при Всероссийском союзе писателей, которым заведовала С. А. Есенина-Толстая.

До войны Отдел рукописей (как и весь институт) располагался в здании на Москворецкой набережной, имел значительный штат сотрудников и значительный объем средств для приобретения документов. Материалы комплектовались в широком диапазоне — от древнерусской письменности до произведений и писем советских писателей тех лет; аналогично велось комплектование и в области зарубежных литератур.

Во время Великой Отечественной войны материалы Отдела рукописей были эвакуированы в Ташкент. После войны институт и Отдел рукописей переводятся в дом № 25а по улице Воровского, где до этого времени располагались только Музей и Архив А. М. Горького. Сразу же остро встал вопрос о нехватке помещений. Это вынудило руководство института в 1949—1952 годы передать в Пушкинский Дом все материалы по древнерусской литературе, литературе XVIII и XIX веков. В Отделе рукописей ИМЛИ остались материалы русской литературы XX века, советской литературы и зарубежной литературы XX века. В настоящее время в Отделе рукописей ИМЛИ хранится 602 фонда писателей и литературных организаций с общим объемом хранения документальных материалов, иллюстраций и негативов около 70 тысяч единиц хранения. Среди крупнейших можно назвать фонды: И. А. Бунина, В. Я. Брюсова, Н. Д. Телешова, П. С. Романова, А. Н. Толстого, С. А. Есенина, Д. А. Фурманова, Е. И. Замятина. Частично сохранились документы XIX и даже XVIII веков, самый старый документ (в коллекции польской литературы) датирован 1772 годом.

С прискорбием следует констатировать, что в течение всех 45 лет, которые находится Отдел рукописей в доме Жилярди, условия хранения документальных материалов не соответствовали никаким, даже весьма либеральным ГОСТам. Остаточный принцип в отношении к нетленным ценностям культуры и в нашем случае сыграл главенствующую роль. Как написать об этом, чтобы не оставить читателя равнодушным? Как вместить в небольшой объем публикации всю боль, которая скопилась во мне за 20 лет? Очень трудно это сделать, но все же попробую.

Если суммировать горы циркуляров и предписаний, полученных руководством ИМЛИ, где констатировалось бедственное положение Отдела рукописей за последние 30 лет, то получилась бы целая книга, и ее читателя, без сомнения, поразило бы бесконечное повторение одних и тех же исходных данных и монотонность очевидных рекомендаций.

1. Помещение тесное, малоприспособленное для хранения документов; не оборудовано с точки зрения правил противопожарной безопасности.

2. Документы хранятся в старых картонах, изготовленных еще в довоенное время, и нуждаются в замене или основательном ремонте.

3. Штат не укомплектован, по меньшей мере, двумя-тремя единицами, и, следовательно, объем архивной работы не может быть выполнен в полной мере и на должном уровне.

Об этом писали и в 1961-м, и в 1981-м, и в 1985-м, и весной текущего года. Периодически «по следам» предписаний компетентных комиссий из Главархива при СМ СССР и Архива АН СССР Отдел рукописей обращался к администрации ИМЛИ со слезными просьбами о выполнении хотя бы минимума требований, обозначенных в экспертных заключениях, но наши обращения каждый раз ложились под начальственное сукно.

Е. Литвин — научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, исполняющая обязанности хранителя Отдела рукописей.

Маленькая надежда на некоторое движение возникла у меня летом 1988 года, когда в один прекрасный вечер распахнулись двери нашего убогого хранилища и в сопровождении дрожащей администрации института на пороге его появился великолепный в своем праведном гневе второй секретарь МГК КПСС Ю. С. Карабасов. Я с особым «удовольствием» показала ему трещины на потолке и стенах, тесноту сиротливо прижавшихся друг к другу картонов, сопровождая свой показ причитаниями: «Вот так хранятся ценнейшие рукописи Блока, Бунина, Есенина, Замятина, Твардовского, Шолохова, Роллана и т. д.». Товарищ Карабасов возмущенно-сочувственно внимал мне, а затем, поворотившись к имлийскому начальству, задал естественный вопрос: «Известно ли президиуму АН СССР о столь долговременном бедственном положении архива?» Не получив вразумительного ответа, он, повысив тон, спросил вновь: «Академик Храпченко (в то время академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР.— *Е. Л.*) был здесь хотя бы один раз?» Начальство, смущенно переглянувшись, опять промолчало, а я ответила, что за время моей работы (с июня 1969 года) академик Храпченко не переступал порога нашего хранилища, да и чины пониже тоже... Товарищ Карабасов строго сказал, что в таком положении архив дальше оставаться не может, и ушел, заронив, как я уже сказала, робкую надежду в наши академические сердца. Однако товарища Карабасова вскоре отвлекли более срочные дела: приближалась XIX партконференция, а мы так и остались при своем «пиковом интересе».

Осенью 1987 года директором института стал Ф. Ф. Кузнецов. Он начал проводить решительные реформы, которые кому-то пошли на пользу, а кого-то серьезно ущемили. Нетрудно догадаться, что вновь в числе наиболее ущемленных оказался Отдел рукописей. Осенью 1988 года мы обратились к директору с докладной запиской, в которой акцентировали его внимание на тяжелейшем положении, в котором оказался к тому времени архив:

«...Уже долгие годы Отдел рукописей делит свое помещение с Отделом зарубежного литературоведения и критики, что вызывает ряд серьезных неудобств в работе читального зала.

С июня с. г. в нашем помещении разместился и Отдел библиографии, что еще больше осложнило работу Отдела рукописей. У нас занимается большое число отечественных и зарубежных исследователей, и очень остро встал вопрос о читальном зале. ...В архиве постоянное коловращение людей, т. е. Отдел рукописей из уединенного, спокойного помещения, в котором должна вестись сосредоточенная и кропотливая работа с ценнейшими документами, превратился в весьма «бойкое место», во многом напоминающее проходной двор. Сотрудники архива лишены возможности обрабатывать документальные материалы, так как при постоянно большом скоплении народа выносить архивные материалы из хранилища просто опасно. Само же хранилище для длительной работы в нем сотрудников совершенно не приспособлено.

Исходя из вышеизложенного, Отдел рукописей ИМЛИ убедительно просит Вас в самое ближайшее время решить вопрос о переводе Отдела библиографии в другое помещение».

Ответа на этот вопль о помощи не последовало. Более того, с сентября 1989 года началось тотальное давление на сотрудников Отдела рукописей чисто административными средствами. Вдаваться в подробности на эту тему здесь не стоит. Тут отдельный сюжет, и он еще не закончен.

События нарастали как снежный ком. С перерывом в полтора месяца в ИМЛИ произошло два пожара. В декабре прошлого года полностью сгорело здание Манежа, переданное институту после «кровопролитных» хлопот и только что отремонтированное. Полностью погибли материалы Академического собрания сочинений А. А. Блока и материалы Отдела фольклора. Очевидно, как реакция на это 31 января 1990 года от имени хозчасти ИМЛИ был составлен акт о полной непригодности нашего хранилища с точки зрения пожарной безопасности. В феврале пожар произошел уже в самом здании института: загорелся подвал, но именно этот пожар помянула «тихим добрым словом» наша любимая «Вечерка».

И именно после этого пожара в институте появился неумолимый пожарный капитан по имени Геннадий Васильевич и стал требовать... нашего закрытия, справедливо указывая на полное несоблюдение правил пожарной безопасности в хранении документов. Закрытие закрытием, а куда девать документы, 70 тысяч единиц в 1500 картонах? Дирекция ИМЛИ попыталась ходатайствовать перед Архивом АН СССР о передаче на временное хранение материалов Отдела рукописей. Однако Архив АН СССР отверг это предложение, мотивировав тем, что на временное хранение документы принимать нет смысла, а если принимать, то уж насовсем, т. е., таким образом, ИМЛИ лишается своего рукописного отдела навсегда. На горизонте возникли новые «благодетели»: трест Мосстроймеханизация, расположенный на окраине Москвы, в промышленной зоне (!) за метро «Каширская» на Котляковской улице. Трест предложил сдать институту в аренду помещение под Отдел рукописей. Заместитель директора В. П. Исаенко с радостью ухватился за это: лишь бы сплавить подальше неудобный архив!

9 апреля 1990 года мы обратились в дирекцию ИМЛИ, в Госпожнадзор Москвы, в Архив АН СССР: «...в данной ситуации единственным, на наш взгляд, выходом является предоставление Отделу рукописей ИМЛИ помещения в доме № 27 по ул. Воровского. В свое время планировалось предоставить Отделу рукописей левую половину первого этажа этого здания, включающую в себя комплекс помещений, необходимых для полноценного хранения документальных мате-

риалов. Здесь можно оборудовать два помещения под хранилища, комнату для каталогов и описей, рабочие комнаты для сотрудников и читальный зал. Общий объем помещений левой половины первого этажа дома № 27 составляет около 250 метров. Отдел рукописей дал принципиальное согласие на перевод в это помещение, ибо переезд в это здание связан с минимальными материальными затратами и минимумом риска для сохранности документальных материалов. Недавно нам стало известно, что в последнем плане перевода отделов и секторов института в дом № 27 Отдел рукописей не значится...»

Сотрудники Отдела рукописей продолжают находиться в «подвешенном» состоянии. Мы пишем многочисленные обращения, запросы, справки о том, почему не можем переезжать на Котляковскую улицу: там в 4,5 раза выше ПДК содержания в воздухе сернистого ангидрида, разрушающе действующего на бумагу.

Мы пишем, пожарник начеку, а директор... один за другим осуществляет научные контакты в «капстранах». Все при деле.

Следует отметить еще один весьма прискорбный момент. Научная общественность нашего института взирает на все происходящее с уникальными архивными материалами в полном равнодушии, высказывая нам свое сочувствие шепотом и ровным счетом не предпринимая никаких реальных действий, чтобы помочь Отделу рукописей, кроме доктора филологических наук Г. А. Белой. А ведь у нас есть и академик, и пять членов-корреспондентов (включая директора), множество докторов наук и членов Союза писателей. Здесь срабатывает прискорбная формула, которая, к глубокому сожалению, въелась в плоть и кровь очень многих людей: «Моя хата с краю...» Потому нас с успехом и бьют поодиночке!

В заключение — размышления о сущности архивного служения, с которыми я полностью солидаризируюсь: «Работа в архиве учит терпению; она освобождает человека от суетности, придает силы, сообщает душевное равновесие. Архивист знает — нет почти ничего тайного, что не стало бы явным; история не может быть переписана; судьба человеческая длиннее кратких сроков земного существования. Он ходит рядом с неопровержимыми свидетельствами бренности человеческой жизни, но неизменно чувствует себя на службе неумолкающей памяти человечества» (*Чудакова М.* Беседы об архивах. М., 1975. С. 216).

Сможем ли мы в данных условиях остаться полноценными служителями «неумолкающей памяти человечества»? — вот в чем вопрос...

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 1. Шпроты. 4. Фарлаф. 9. Кирасир. 10. Верблюд. 12. Фляга. 13. «Лада». 16. Шнек. 17. Велосипед. 18. «Нана». 20. Чауш. 21. Природа. 22. Капюшон. 26. Лука. 28. Ясон. 30. Измайлово. 31. Стая. 32. Юбка. 34. Отрок. 37. Автобус. 38. Юкагиры. 39. Лариса. 40. Пиастр.

По вертикали: 1. Шеридан. 2. Ряса. 3. Торф. 5. Айва. 6. «Лорх». 7. Филенка. 8. Кляссер. 9. Калина. 11. Дикуша. 14. Неологизм. 15. Переправа. 19. Алиса. 20. Чешуя. 23. Пляска. 24. Нейтрон. 25. Анналы. 27. Квартал. 29. Субтитр. 33. Сбор. 34. Осис. 35. Кюри. 36. Маис.

Лидия Чуковская

Я СЛЫШУ ПАМЯТИ ШОРОХ

Я пишу стихи всю мою жизнь, с детства, сколько я себя помню. Опубликована же до сих пор моя единственная книжка — «По эту сторону смерти» — лишь за границей в 1978 году * и в 1989 году одно-единственное стихотворение в Москве **. Печататься мешала мне не цензура (хотя, разумеется, цензура не пропустила бы ни строки), а, главным образом, любовь моя к чужим стихам. По сравнению с чужими, любимыми, собственные всегда казались — и кажутся мне — еле-еле существующими. Однако я наконец решила проверить их существование на читателе.

июнь 1990

---

* Paris, YMCA-Press.
** Новый мир, № 2.

* * *

Мы опять повстречались, деревья и снег!
Я люблю вас, пушистые ветки.
Одиночество — словно родной человек.
На сугробах колючки и метки.
Мы с тобою еще помолчим, тишина!
Белым снегом умоемся, совесть!
По следам разберемся, про что там она —
Пережитого вьюжная повесть.

* * *

М.

Консервы на углу давали.
Мальчишки путались в ногах.
Неправду рупоры орали.
Пыль оседала на губах.

Я шла к Неве припомнить ночи,
Проплаканные у реки.
Твоей гробнице глянуть в очи,
Измерить глубину тоски.

О, как сегодня глубока
Моя река, моя тоска!

...Нева! Скажи в конце концов,
Куда ты дела мертвецов?

1939

* * *

Г. Е.

О прислушайся, друг мой, и ты в тишине различишь
Отдаленное уханье, грохот немой канонады.
Это немцы вступают без выстрела в падший Париж.
В черной совести нашей небывшие рвутся снаряды.

Видишь — родину родин они распинают в огне.
Слышишь — юнкерсам сдались небесные гордые дали,
Чтобы тех площадей, что любили мы видеть во сне,
Мы — рабы, мы — лжецы никогда наяву не видали.

июнь 1940

* * *

М.

Быть может, эта береза
Из милого выросла тела.
Так нежно она лепетала
Над бедной моей головой.
Быть может, босая девчонка
Твоими глазами глядела,
Когда, надышавшись морем,
Я возвращалась домой.

По эту сторону смерти,
Рукою держась за сердце,
По эту сторону смерти
Я вести торжественной жду.
Я слышу памяти шорох,
Я слышу цоканье белок.
Такая бывает ясность
Сознания — только в бреду.

1940

* * *

Как странно, есть еще живые.
Руками машут, говорят.
Большие, шумные такие,
И не лежат, и не молчат.
Цел мостик, речка вольно плещет,
Туман, где хочет, там плывет.
И не от ужаса трепещет —
От ветра! — тополь у ворот.

1942

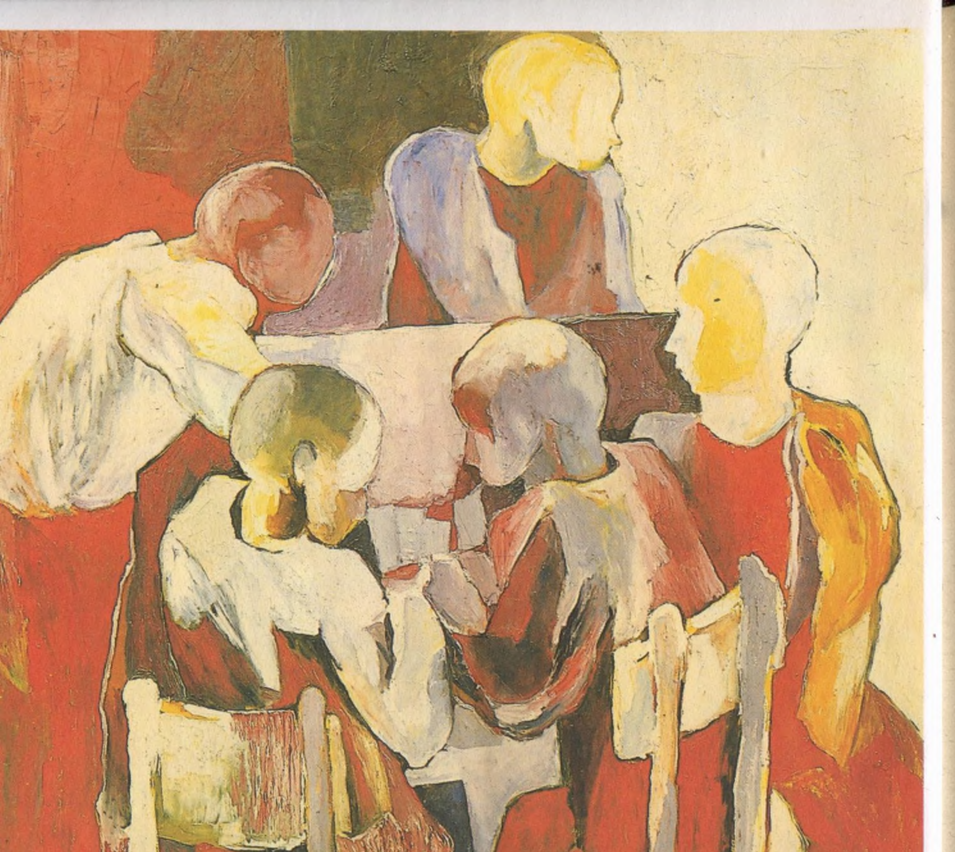
Рыбаки

И даже не я — человек как создание природы, приходящий в мир и уходящий из него, но мы — люди.

Не случайно возникла в искусстве Разгуляева тема похорон. Она не стала для художника поводом выражения драматизма, трагизма времени и не имеет ничего общего с традиционными сценами оплакивания. В композиции Разгуляева копающие могилу люди — продолжают работать, находя в работе преодоление смерти и утверждая неисчерпаемость тех сил, которые определяют понятие — жизнь.

Индивид и род — это вечная связь человека со своей первоосновой. Человек социален, будучи родовым существом, об этом размышляет художник, изображая людей. Сопровождающие жизнь рода животные и птицы становятся сопричастными ему, они олицетворяют души людей, нашу связь, неразрывность с природой.

Композиции Разгуляева полны чувств, но это не радость или драматизм, счастье или печаль. В чем источник этих чувств? Не говоря ничего о страстях, разноголосице



Вечер

мнений, тревогах и предчувствиях, порой раздирающих душу сегодня, Павел Разгуляев своим искусством противопоставляет мир духовности суете, прозаизации и политизации жизни. Обращая нас к вечным ценностям, напоминая, что мы — из рода человеческого. Все проходит, люди рождаются и умирают — род остается. Когда спрашиваешь себя, почему художник так настойчиво повторяет свои монументальные сцены, начинаешь понимать, что им руководит настоятельная потребность утвердить эту мысль в сознании, обратить нас друг к другу, не из практической пользы, а просто потому, что все мы — люди. Без различия возраста, положения в обществе, судеб.

Существенность открытий Сезанна, постимпрессионизма и экспрессионизма для русского художественного сознания не надо доказывать. Однако работы художников московской школы живописи сегодня свидетельствуют лишь о том, что этот путь исчерпан. Павел Разгуляев сумел найти в этой традиции живой нерв и протянуть связь времен, которой живет культура.

Евгения ГОРЧАКОВА

* * *

Ташкентские розы в кокетливо-хрупком снегу.
Минутной зимы ледяные блестят небылицы.
Но я на красивое больше смотреть не могу.
Кощунственна эта лазурь, лепестки и ресницы!

январь 1942

* * *

На чужой земле умереть легко.
Чужая земля не держит.
Ни в окне огоньком, ни во ржи васильком,
Ни памятью, ни надеждой.

Только жить нельзя на чужой земле.
Недаром она чужая.
Звездами, как дитя, разыгралась во мгле,
О горе твоем — не зная.

январь 1942

* * *

Вишни все в цвету. Весна.

Ах, такие молодые
И уже совсем седые
Эти вишни у окна.

Не весна. Война.

апрель 1943

ОСЕНЬ

Только все совершив, что положено
Совершить на земле под луной,
Можно ласково так, бестревожно,
Щедро так отходить на покой.

Тишину охраняет снотворная,
Золотая арыков молва.
И стоит над землей лучезарная,
Над горами склоненная, добрая,
Утешительница синева.

Но ни памяти, ни суровости,
Не зажить, не смягчиться в тепле.
Детским почерком страшные новости
Пишут тени на светлой земле,

Словно письма оттуда... И пыльные
Так зловеще молчат тополя,
Словно памятники надмогильные
Впрок воздвигла и эта земля.

август — сентябрь 1943

В МЕТРО

Из туннеля, как дух, вырывается
Настигаемый грохотом свет.
Вот он мечется, вот растворяется,
Растворился, его уже нет.
Знаю все, знаю слово: губительно.
Но не надо меня утешать.
Только б светом, вот так же стремительно
Перед жизнью твоей пробежать.

сентябрь 1944

* * *

Мы расскажем, мы еще расскажем,
Мы возьмем и эту высоту,
Перед тем, как мы в могилу ляжем,
Обо всем, что совершилось тут.

И черный струп воспоминанья
С души без боли упадет,
И самой немоты названье,
Ликуя, рот произнесет.

1944

* * *

Слово «мир» — а на душе тревога.
Слово «радость» — на душе ни звука.
Что же ты, побойся, сердце, Бога,
Разумеешь только слово: «мука»?

Все стучишь: страшна зима в Нарыме.
Бухенвальд, Тайшет, Норильск, Освенцим.
Если б можно было память вынуть,
Не рассказывать про это детям!

Но без ладанки стучится в грудь —
Память, трепет, пепел: не забудь!

май 1945

* * *

...Опять чужая слава
Стучит в окно и манит на простор,
И затевает важный, величавый,
А в сущности базарный разговор.
Мне с вашей славой не пристало знаться,
Ее замашки мне не по нутру.
Мне б на твое молчанье отозваться,
Мой дальний брат, мой неизвестный друг,
Величественных строек коммунизма
Строитель жалкий, отщепенец, раб,
Тобою всласть натешилась отчизна,—
Мой дальний друг, мой неизвестный брат!
Я для тебя вынашиваю слово.
День ото дня седее голова.
Губами шевелю — и снова, снова
Жгут губы мне, не прозвучав, слова.

январь 1953

* * *

М.

Куда они бросили тело твое? В люк?
Где расстреливали? В подвале?
Слышал ли ты звук
Выстрела? Нет, едва ли.
Выстрел в затылок милосерд:
Вдребезги память.
Вспомнил ли ты тот рассвет?
Нет. Торопился падать.

1956

28 ОКТЯБРЯ 1958 ГОДА

Я шла как по воздуху мимо злых заборов.
Под свинцовыми взглядами — нет, не дул, а глаз.
Не оборачиваясь на шаги, на шорох.
Пусть не спасет меня Бог, если его не спас.
Войти — и жадно дышать высоким его недугом.
(Десять шагов до калитки и нет еще окрика «стой!»)
С лесом вместе дышать, с оцепенелым лугом,
Как у него сказано? — «первенством и правотой».

Переделкино

* * *

Я никем не хранима.
Я только судьбой хранима.
И если бомба мимо,
И черный ворон мимо —
Это она захотела
Сберечь мою душу и тело
Для какого-то дела,
Мне неизвестного дела...
Это ее дело.

декабрь 1961

* * *

Летит, серебрится снежок,
Квадратная ходит лопата.
Опять этот нежный ожог,—
Снег, неба с землею расплата.
За праздно пролитую кровь
Не будет ни мзды, ни прощенья,
Небесная сыплет любовь —
Снег, белое это забвенье.

1965
Москва

* * *

Маленькая, немощная лира.
Вроде блюдца или скалки, что ли.
И на ней сыграть печали мира!
Голосом ее кричать от боли.
Неприметный голос, неказистый,
Еле слышный, сброшенный со счета.
Ну и что же! Был бы только чистый.
Остальное не моя забота.

ДВА ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (1973—1975)

I

Аэропорт похож на крематорий.
В обоих по два «р» и горе, горе, горе...
Но есть отличие от похорон:
Покойник жив и в судорогах он.

II

Россия уезжает из России...
«Счастливый путь! И даже навсегда —
Счастливого пути!»
А нам — беда.
Но и беда не чья-нибудь: России.

* * *

Живем, не разнимая рук.
Опасности не избегая.
Обыденное слово «друг»
Почти как «бог» воспринимая.

Увы! все реже на пороге
Хранительные эти боги.

декабрь 1974

ДОМ

I

Дом притворился обитаемым —
Притворный дом, обманный дом.
Давно покинутый хозяином,
Когда-то обитавшим в нем.
Мне просто не хватает мужества
Под вечер музыку включить.
Она сосредоточье ужаса,
С ней рядом невозможно жить.
Она поставит под сомнение
Все, даже память о былом.
И рухнет он в одно мгновение —
Объятый музыкою дом.

май — декабрь 1975

II

В этом доме я могу повеситься
На гвозде любимой фотографии.
Каждая ступенька этой лестницы
Пострашнее вашей грозной мафии.

1975

III

Ночные поиски очков
Посереди подушек жестких.
Ночные призраки шагов
Над головой — шагов отцовских.
Его бессонницы и сны,
Его забавы и смятенья
В причудливом переплетенье
В той комнате погребены.
А стол его уперся в грудь
Мою — могильною плитою,
И мне ни охнуть, ни вздохнуть,
Ни встать под тяжестью такою,—

Под бременем его труда,
И вдохновения и горя,
И тех легчайших дней, когда
Мы, босиком, на лодке, в море.

1980

IV

Я еще на престоле, я сторожем в доме твоем.
Дом и я — есть надежда, что вместе мы, вместе умрем.

Ну, а если умру я, а дом твой останется жить,
Я с ближайшего облака буду его сторожить.

1983

СЛУШАЯ РАДИО

На Олимпийских играх в Монреале
Кому-то первенства не удержать.
Кому-то не дали. Кому-то дали.
Олимп! А я? Ни плавать, ни бежать.
Другой игрой в монастыре зеленом
Я занята под грохот тишины.
И присягала я не стадионам.
Мне никаких медалей не должны.

1976

* * *

И вот на посмешище мира,
Смущенье свое не тая,
Выходит не муза, не лира,
А жизнь прожитая моя.
Ее подчистую украли.
Ее по листочку сожгли.
Не в карты ль меня проиграли?
Не химией ли извели?

Георгий Демидов

ПИСАТЕЛЬ

Предисловие

Судьба Георгия Георгиевича Демидова трагична. Талантливый физик, ученик Ландау, в 1938 году он был арестован по доносу, осужден на 8 лет по печально известной 58-й и отправлен по этапу на Колыму. Работал на рудниках, на лесоповале.

В начале войны, когда поставки с Большой земли резко сократились, дальстроевские лагеря испытывали острейшую нехватку электролампочек. Демидов за обещание досрочного освобождения разрабатывает технологию восстановления уже использованных ламп. За это изобретение всё дальстроевское начальство получило ордена, ценные подарки, повышение по службе. Автора-зэка тоже не забыли: вместо обещанной свободы ему вручили... поношенный костюм и ботинки. Ценность, конечно, в те годы немалая, но Демидов вернул вещи дарителям со словами: «Я чужих обносков не ношу!» И получил еще 10 лет.

Был освобожден лишь в 1952-м.

Не забыв обещания, данного самому себе на Колыме, «выжить в этом аду, чтобы со временем все это описать», Демидов начинает писать о пережитом.

«Мне мое творчество обходится очень дорого... Я неизбежно дохожу до болезни, хотя далеко еще не развалина... Начинаю плохо спать, теряю аппетит. Все спрашивают: «Что-нибудь случилось?» Я мог бы ответить: «Да, случилось. Совсем недавно. Нет еще тридцати лет. И случилось не только со мной...»

В августе 1980 года рукописи Георгия Демидова были изъяты и арестованы. Черновики, хранившиеся на чердаке, сгорели.

Начинать опять с нуля 72-летнему, столько пережившему и тяжело больному человеку было невозможно...

19 февраля 1987 года, посмотрев фильм «Покаяние», Георгий Демидов умер.

Два года назад архив Демидова был возвращен мне, его дочери. Один из рассказов я предлагаю вниманию читателей «Горизонта».

Валентина Демидова

Посвящается памяти Игоря Стина

Его фамилия для русского звучит необычно. И тем не менее Владимир Евгеньевич Гене был не только настоящим русским, но и выходцем из старинного рода российских дворян. Далекий зачинатель этого рода происходил, наверное, из иностранцев. Но многие из аристократических семей на Руси, носивших немецкие, французские или голландские фамилии, нередко оказывались более русскими по духу, чем те, кто происходил от допетровских бояр.

Свой не слишком долгий век Владимир Гене закончил в маленьком полуненецком поселке, затерявшемся в просторах Большеземельской тундры. Здесь после долгих лет каторги в одном из заполярных лагерей Гене работал коллектором в геологической экспедиции, обследовавшей побережье Карского моря. Так называется должность собирателя образцов горных пород.

Коллектор был совершенно одинок и во всей России не имел ни единого родственника или просто близкого человека. Исключение составляла только какая-то женщина, проживавшая где-то в Воркуте с мужем и детьми. Когда случалась оказия, Гене посылал ей довольно объемистые пакеты. Но не для вручения адресату непосредственно, а для отправления по почте, причем всегда «до востребования». Поселок, где базировалась экспедиция, находился почти на семидесятой параллели и был отдален от сравнительно обжитых районов Севера чуть ли не тремястами километрами бездорожья, преодолеть которые большую

часть года могли только гусеничные трактора. Тогда, в середине пятидесятых годов, не только вертолеты, но и вездеходы не вошли еще в широкое употребление.

Пожилого и хмурого собирателя камней его товарищи по работе считали угрюмым, замкнутым и необщительным человеком, вечно думающим какую-то тяжелую думу и занятым чем-то своим. Коллектор жил в крохотной избушке на краю поселка, с железной печкой посредине и запыленной голой лампочкой под потолком. Электричество здесь было. Им снабжала поселок, хотя и не очень регулярно, передвижная электростанция экспедиции.

Кроме подобия низких полатей для разбора минералогической добычи в коллекторской находились еще только вечно не убранная койка, маленький некрашеный стол и две колченогие табуретки. В углу за дверью всегда стояли пустые бутылки из-под спирта. Коллектор считался хорошим работником, но сильно пил. Правда, не так, как все другие здесь. Он пьянствовал угрюмо, бесшумно и в одиночку, запершись в своей избушке и не выходя из нее иногда по нескольку дней. С увещеваниями и взысканиями за это к нему не приставали. Демонстрировать общественную заботу о моральном облике работника здесь было почти некому и не перед кем. А главное, Гене, когда не пил, работал за двоих. Про него знали еще, что, когда коллектор не бродит по тундре со своим мешком для камней и молотком на длинной ручке и ночует не в поле, а в своей избушке, он что-то пишет. Чтó именно, не знали, однако, на всякий случай, прозвали его Писателем. Прозвище, конечно, носило иронический характер и употреблялось только за глаза. Зубоскалить в открытую над неулыбчивым, одиноким человеком никому как-то и в голову не приходило.

За угрюмую необщительность и даже за необщепринятый род пьянства Писателя не осуждали. То и другое весьма естественно объяснялось его невеселым прошлым. Сын белоэмигрантов, вывезенный еще в отроческом возрасте в далекую Маньчжурию, Гене добровольно вернулся на родину в середине тридцатых годов. К этому времени он служил в Харбине в управлении Китайско-Восточной железной дороги, бывшей до 1935 года советской концессией на территории Маньчжоу-го. Так именовалась в те годы бывшая окраина Небесной Империи, а впоследствии русская колония, превращенная теперь в марионеточное государство, целиком подвластное Японии. После того как СССР был вынужден практически безвозмездно передать КВЖД в полную собственность Маньчжоу-го, несколько десятков тысяч ее русских служащих выразили желание выехать в Советский Союз. Нельзя сказать, что японо-маньчжурские власти понуждали их к этому. Скорее наоборот. Заинтересованные в сохранении опытных кадров, японцы всячески старались их задержать, хотя, согласно одному из условий договора о передаче концессии, они не могли делать этого насильно. Русских, однако, предупреждали, что на родине, для многих уже только родине их отцов, репатриантов ждут одни только несчастья. Большевистское правительство, а особенно его политическая полиция не доверяют людям из-за границы. А тем более тем, кого они причисляют к категории «классово чуждых». Большинство сочло это антисоветской пропагандой. Рассказы о зверствах и коварстве большевиков давно уже набили оскомину. А вот умелая советская агитация за возвращение блудных сынов России и их детей на свою, ставшую социалистической, родину находила в сердцах большинства изгнанников горячий отклик. Эта родина звала их голосом Правительства СССР, обещая немедленное трудоустройство, жилье, все преимущества жизни в обществе без гнета и эксплуатации.

Владимира Гене Россия манила к себе воспоминаниями детства. Как и многие замкнутые от природы люди, он был скрытым мечтателем. Перед подачей заявления о репатриации не обошлось, конечно, без долгих раздумий и мучительных колебаний. Но память о тихих речках, расцветке осеннего леса, ветлах на проселочной дороге както не вязалась с представлением о том, что такой страной управляют жестокие и коварные обманщики. Врут японцы и стареющие вожаки белогвардейщины, которым соваться на родину, несмотря на широкую амнистию 1922 года, конечно, опасно! А место молодого русского — в России. Тут в азиатской, так и оставшейся чужой стране Гене ничего не удерживало. Его родители давно умерли, а молодая жена разделяла его взгляды, хотя была русской, родившейся уже в Харбине. И хотя ей было нелегко расстаться со стариками родителями, она поехала с мужем в Советский Союз.

Здесь бывших кавэжэдинцев встретили на вокзалах приветственными речами и оркестрами. Все они, как было обещано, были устроены на работу и по части жилья с явными преимуществами перед старыми советскими гражданами. Но через каких-нибудь год-полтора почти все репатрианты оказались уже в дальних лагерях заключения, где их иронически звали «каэржединцами». От названия «литерной» статьи «КРД», по которой большинство вернувшихся на родину без суда и следствия водворялись в эти лагеря. «КРД» расшифровывалось как «контрреволюционная деятельность», притом не совершенная,— тогда вступила бы в силу пятьдесят восьмая статья уголовного кодекса,— а могущая быть совершенной при каких-то туманных обстоятельствах. Некий заочный и тайный «суд», рассматривая бывших эмигрантов из России как потенциальную «пятую колонну» в СССР, списками по нескольку тысяч человек в каждом, приговаривал их к восьмилетнему сроку заключения в лагерях принудительного труда. К некоторым приклеивали другой «литер» — «ПШ», означавший «подозрителен по шпионажу» и тянувший уже десять лет срока и более строгий режим заключения, чем КРД. Гене пришили «ПШ», вероятно, как лучше других образованному человеку, да еще сыну дворянина и белогвардейского офицера.

Почти девять лет из своего «неразменного червонца» потенциальный шпион в пользу Японии валил лес на Северном Урале, работал в карагандинских угольных копях, рыл оросительные каналы в среднеазиатских песках. Конечно, его не миновали постоянные спутники сталинских лагерей — голодное изнурение, цинга, пеллагра, не говоря уже о дизентерии, воспалении легких и прочих «случайных» заболеваниях. У Гене оставалась впереди только одна десятая часть всех этих испытаний, когда он был осужден на новые десять лет заключения. На этот раз не заочно, не по общему списку и не на основании одного только подозрения, а за преступление, предусмотренное десятым пунктом пятьдесят восьмой статьи,— контрреволюционную агитацию.

Барачные стукачи донесли лагерному оперуполномоченному, что заключенный из «бывших» с нерусской фамилией пишет какую-то «книгу». Делает он это, когда в бараке все спят, лежа на своих нарах или забившись в угол сушилки для мокрой одежды. Свою толстую тетрадь Гене никому не показывает и прячет ее под барачный пол через дыру, которую когда-то проели крысы.

Тетрадь оказалась сшивкой из подобранных где только можно, тщательно разглаженных и иногда склеенных лоскутов бумаги. Тут были исписанные с одной стороны листки из счетоводных книг, выворочен-

ные наизнанку старые конверты и даже махорочные обертки. На них огрызком утаенного от надзирательских глаз карандаша Гене делал наброски сцен из лагерного быта. Наброски были яркие и сочные и рисовали этот быт в весьма неприглядном свете. Преступная цель их автора была ясна. Он готовил этюды для своего будущего сборника рассказов о лагере. Известно было даже тенденциозное название этого сборника — «Деревянные бушлаты». Гене имел неосторожность вывести это название на обложке своей тетради, сделанной из «цементной» бумаги. «Деревянными бушлатами» в лагере назывались гробы из горбыля, в которых хоронили умерших заключенных.

Судил Гене военный трибунал при лагерном объединении. Лагерный суд подошел к бывшему шпиону и последышу недобитых белоэмигрантских бандитов со всей возможной строгостью. Для отбывания второй десятки срока «политический рецидивист» был отправлен в только что тогда организованный заполярный воркутинский «Речлаг». Здесь в лагере для особо опасных политических преступников он на долгие годы стал «человеком номер...»,— какой именно, явствовало из нашитых на его каторжанскую одежду белых прямоугольников с этим номером.

Вторичное осуждение и водворение в спецлаг с его гнетущим режимом Гене воспринял с равнодушием отчаяния, обычного для всякого, кто в конце концов почти отбытого многолетнего каторжного срока получает новый. Человеку в таких случаях всегда кажется, что пережить еще и этот срок невозможно. И не все ли теперь равно, когда на него наденут «деревянный бушлат» — через год или через три! Но прошло и пять, и шесть, и восемь лет. Потомок нескольких поколений дворян-белоручек оказался живучее, чем он сам себе это представлял, а пути Господни, как всегда, неисповедимы. Оставалось немногим более полутора лет до начала вечной ссылки, на которую заранее были осуждены отбывшие срок в лагерях особого назначения, как Гене со многими миллионами других таких же «преступников» был не только освобожден из заключения, но и полностью реабилитирован. По крайней мере, формально он стал полноправным гражданином Советского Союза, вольным выбирать себе местожительство и работу.

Неполадки с сердцем, от природы необычайно выносливым, но в условиях тяжелого труда, почти постоянного недоедания, психической угнетенности и вредного климата в конце концов сдавшим, требовали выезда из Заполярья. Гене, однако, не только не выехал с Севера, но еще глубже на него забился. Окружающие объясняли это почти самоубийственное решение угрюмой нелюдимостью бывшего каторжанина, особенно развившейся после того, как он узнал, что где-то в Красноярском крае в таежном лагере умерла его жена. Некоторые, знавшие его немного ближе, считали, что мрачную необщительность Гене усиливает еще его склонность к запойному пьянству. От этой склонности, проявлявшейся еще в молодости, его не смогло излечить даже семнадцатилетнее вынужденное воздержание. Да и какое это лекарство, если оно сопровождается душевной депрессией, преждевременной старостью, тоской одиночества и утратой всех иллюзий и всех надежд.

При таких обстоятельствах о возвращении к старой, к тому же почти уже забытой профессии железнодорожника не могло быть и речи. Другое дело работа в какой-нибудь из многочисленных геологических партий, обследующих богатые недра Севера. Здесь особенно не наблюдают не только часов, но даже календаря. Поэтому пьянство является как бы узаконенной особенностью быта полевиков. Такое положение, если не оправдывается, то объясняется многими обстоятельствами. Тут и состав полевых групп, в своей сезонной, подсобной части обычно набранной из людей с бору по сосенке, вплоть до вчерашних уголовников; и отсутствие иных удовольствий; и действительная необходимость как-то противостоять сырости и холоду бродячей жизни. Никакая моралистика тут, конечно, поделать ничего не может, и большому геологическому начальству не остается ничего другого, как просто не замечать хронического пьянства в полевых партиях. Не замечать же не трудно, так как тáбеля рабочих дней в поле никто фактически не ведет. Да и само понятие рабочего дня здесь так же неопределенно, как и понятие прогула. Все сказанное не только в полной, но и в особенной степени относится и к должности коллектора, который всегда несколько «сам по себе». Гене, от природы склонный к мрачному пессимизму и считавший себя безнадежным алкоголиком, счел эту должность подходящей для себя как нельзя более.

Но это была не единственная причина его добровольного отшельничества. Десятилетний срок, полученный за попытку изобразить в ярких миниатюрах уродливую действительность лагеря, не только не погасил в Гене этого стремления, но еще более его усилил. Правда, в режимном лагере он этой попытки не повторял, такая попытка была там практически невозможной. Наученный горьким опытом, он не доверял теперь ни бумаге, ни людям. И в течение многих лет угрюмо вынашивал в памяти сюжеты и формы выражения своих будущих рассказов. В этом, возможно, кроется один из секретов их предельной сжатости.

Избушку коллектора на краю затерянного в тундре маленького поселка Гене счел для себя весьма подходящей. Здесь было мало любопытных глаз и ушей, а любопытных профессионально, возможно, не было и вовсе. Времена, правда, переменились, но лишь настолько, что запретная прежде тема стала только нежелательной.

Было бы, однако, совершенно неверно думать, будто желание поведать миру о страданиях заключенных эпохи сталинского беззакония было самоцелью или хотя бы сколько-нибудь важным стимулом в творчестве Гене. Не было таким стимулом и желание известности, хотя бы посмертной. Писатель совсем не верил, что его произведения будут когда-нибудь изданы, и до конца жизни не был уверен, что они того стоят. Кроме того, как и франсовский аббат Куаньяр, он считал, что будущее чуждо распрям прошлого и не способно их понять. Поэтому источать кровь сердца ради его равнодушных зевков не стоит.

И все же Гене писал. Он без конца шлифовал и переделывал свои «рассказы в ладонь», пока не достигал в них чеховской выразительности и выпуклости образов, а заложенную в произведение мысль не укладывал в одну-две фразы. Тогда приходила радость творчества. Но она всегда была недолгой и вскоре сменялась новыми терзаниями неуверенности в своих силах и неудовлетворенности.

А силы были, и недюжинные. Поздно пробудившийся в Гене, и, вероятно, только под действием драматических обстоятельств его жизни, талант художника-миниатюриста, как и всякий большой талант, мучил своего обладателя и требовал выхода. Настоящий писатель не может не писать, как не может, например, алкоголик не пить. Гене сам был алкоголиком и со свойственной этому роду больным мрачной иронией почти уравнивал обе свои страсти в их бесцельности.

И только одному человеку на свете он читал и показывал свои произведения. Это та женщина из Воркуты, которой он время от времени писал письма. Впоследствии она утверждала, что любовь к ней

и была главной, хотя и тайной причиной того, что Гене остался в Заполярье. Работу коллектора, лесника или другую отшельническую должность он мог бы найти и южнее Полярного круга. Весьма возможно, что она была права. Несомненно во всяком случае, что сама эта женщина любила покойного Писателя искренне и глубоко и была тем человеком, который сохранил немногочисленные, но выразительные образцы его творчества.

Познакомились они в месяцы полного расформирования воркутинского Речлага, когда был отменен свирепый режим спецлагеря и его заключенных брали теперь даже в качестве вспомогательных рабочих в геологические и топографические партии. В одной из таких партий и встретились и. о. коллектора группы бывший заключенный Гене и молодая геологичка. Она, впрочем, была уже замужем за пожилым солидным геологом, жила в городе и имела ребенка.

Случается, что недопустимая с филистерской точки зрения разница социальных положений, возраста и характеров не препятствует, а как раз содействует сближению мужчины и женщины. В таких случаях часто приводят старинное выражение о ветре, задувающем слабый огонь и раздувающем сильный. Если же не ограничиваться столь общими аналогиями, то за объяснением подобных явлений следует обращаться к психологии прежде всего женской. В женской психике сострадание к трагической судьбе мужчины, особенно талантливого — неважно, действительным или только воображаемым является его талант,— нередко трансформируется в искреннюю большую любовь. Если же эта любовь к тому же еще и табу, то тогда старая метафора об огне и ветре приложима уже вполне, так как романтика запретного обостряет, а следовательно, и усиливает вспыхнувшее чувство. Объяснить ответное чувство немолодого, изголодавшегося по женской ласке и состраданию мужчины намного проще. Тут в любовь может вылиться уже одна только неизъяснимая благодарность за проявленное к нему душевное женское тепло.

Так или иначе, но взаимная и тайная любовь возникла и оказалась устойчивой против всех ветров все еще нелегкой и неустроенной жизни. И когда Владимир Евгеньевич получил, наконец, право покинуть неприютные края, он уже не мог отказать себе в возможности хотя бы изредка встречаться со своим другом-женщиной. Это она своей верой в его талант поддержала в нем решение писать, сумела растопить многолетний лед отчужденности и скрытности, по крайней мере по отношению к ней самой, разглядеть в угрюмом и замкнутом человеке тепло сострадания к людям такой же судьбы. С самоотверженностью любящей женщины она была готова даже бросить мужа, относительно комфортную жизнь и ехать с Гене в совсем уж необжитые места. Он, однако, от такой ее жертвы мягко, но решительно отказался. Согласие на эту жертву было бы с его стороны эгоистическим злоупотреблением женской привязанностью. Что мог дать взамен за нее страдающий человек с начинающим пошаливать сердцем да еще запойный пьяница! Будет лучше, если время от времени она будет навещать его, когда позволят обстоятельства, транспорт и состояние дорог. Тогда в промежутках между встречами он будет жить их ожиданием, которое иногда дает больше, чем само общение с женщиной, и, конечно, работой.

Все это было резонно, а возлюбленная Гене была слишком большим его другом, чтобы не согласиться с ним. Пользуясь всякими предлогами, в тракторном прицепе-фургоне или в вездеходе она делала

крюк в несколько сот километров, чтобы навестить его на один-два дня. Это случалось не часто, всего два-три раза в год.

Писатель в такие дни совершенно преображался. Из бирюка и нелюдима он превращался в словоохотливого, почти веселого человека, правда, только тогда, когда никого, кроме его гостьи, рядом не было. Он читал ей свои рассказы и с явным удовольствием, хотя и с некоторым недоверием выслушивал ее похвалы. Говорил о главной идее, которую он старается вложить в свои произведения, и о способах эту идею выразить. Она заключалась в том, что среди падших и отверженных можно и должно разглядеть Человека. Отшельник и мизантроп с виду, Писатель в душе был добр и снисходителен к людям.

Несмотря на ее просьбы, он дарил подруге свои произведения скупо и неохотно. Их автор считал, что ничего по-настоящему готового у него пока нет. Все еще несовершенно, все требует доделок и переработок.

Его все больше мучили сомнения в своем таланте, хотя это, казалось бы, и не должно было иметь для него особого значения. Все равно ведь вся его писанина умрет вместе с ним. Тут было странное, мучительное своей нелепостью противоречие. После отъезда своей гостьи Писатель всегда впадал в еще большую хандру и вскоре запивал. Так при алкоголизме бывает всегда, причина и следствие тут взаимодействуют.

Вино усиливает меланхолию, меланхолия вызывает новые приступы пьянства. Порочный круг замыкается сам по себе и, как тяжелое колесо, катится с горы, увлекая с собой и человека. Гене все чаще пил горькую, хотя и знал, что для него это кратчайший путь в могилу. Ну а кто по нему заплачет! Та, которая любит его вопреки здравому смыслу и своим жизненным интересам! Да, наверное. Но он в ее жизни не более чем балласт. И чем скорее этот балласт свалится с ее плеч, тем лучше. Колесо катилось вниз, все убыстряя свой ход.

Однажды коллектор экспедиции, вернувшись из очередного похода в тундру, не доставил собранных образцов пород, хотя они были партии срочно нужны. Значит, заболел или запил. К Гене послали человека. Тот долго стучался в запертую изнутри дверь его избушки, а потом встал на завалинку и поверх газеты, заменявшей на оконце занавеску, заглянул внутрь. Хозяин коллекторской лежал на полу, подвернув под себя голову и прижав к сердцу обе руки. Вскрытие показало, что он умер от инфаркта в состоянии тяжелого опьянения.

В избушке поселились другие. Кроме нехитрого скарба покойного они унаследовали от него еще ворох каких-то бумаг, небрежно сброшенных в посылочный ящик. Бумаги были исписаны неразборчивым, неряшливым почерком, измараны и исчерканы во всех направлениях. Никуда, кроме как на растопку, они не годились. Правда, кое-кто из знавших о писательстве покойного коллектора из любопытства взяли себе часть этих бумаг. По ним сделали вывод, что Гене и впрямь был писателем. И даже развеселым, судя по откровенности, с которой он воспроизводил в своих коротеньких рассказах лагерный язык. Рассказики посмаковали, а потом потеряли их. Когда, прослышав о смерти Гене, в поселок приехала его любовница, от рукописей Писателя не осталось уже почти ничего.

Она долго стояла над могилой покойного друга на крохотном кладбище за околицей. Бугорок бурого торфа над этой могилой был самым свежим из насыпанных здесь, но и он начал уже заметно оседать. Болотистая почва тундры делала свое дело. Облетели и бумажные цветы с казенного венка, возложенного на могилу труженика экспедиции

ее разведкомом. Его проволочный каркас успел уже густо заржаветь и был почти того же цвета, что и тундра вокруг. Начинались холодные дожди, короткое и грустное здешнее лето кончилось. Однако плачущей женщине казалось, что хмурые и низкие дали осеннего Заполярья тоже набухают слезами. Последний взгляд на убогую могилу она бросила уже из окна вездехода.

Плакала эта женщина и спустя много лет после смерти Гене, когда показывала кое-кому из своих друзей его уцелевшие миниатюры. Она и сейчас не сомневалась, что покойный был не просто писателем, а Писателем Божьей милостью, с большой буквы. Одним из великого числа талантов, загубленных на Руси неправдой и произволом. Имена их «Ты же, Господи, веси».

К оценкам женщинами достоинств отдельных людей, особенно мужчин, которых они любили, следует подходить с большой осторожностью. Обычно тут преобладает эмоциональное начало. Но бывшая подруга Гене не была голословной. Ее высокое мнение о писательском таланте своего друга подтверждается сохранившимися у нее его маленькими произведениями, правда, весьма немногими. Она не могла себе простить, что не была достаточно настойчива, выпрашивая для себя литературные подарки. Покойный всякий раз умел ее убедить, что понравившиеся ей вещицы далеко еще не совершенны и требуют доработки. Она тогда не знала еще одного из главных свойств каждого настоящего писателя, впоследствии сформулированного Ремарком. Писатель никогда не заканчивает работы над своей книгой. Приходит время, и он ее оставляет.

Два из оставленных Гене рассказиков я привожу в этом очерке. Первый из них называется «Свидание». Это картина встречи через колючую проволоку лагерной ограды двух любящих людей. Он — мелкий уголовник, только что получивший очередной срок. Она — его жена, такая же несчастная, нищая и жалкая. Это отбросы общества, его парии. Мало кто думает о таких, что и они люди и что ничто человеческое им не чуждо. Чтобы разглядеть это человеческое сквозь наслоения уродливого, грязного и смешного, требуется острое зрение и пристальный взгляд доброго таланта. У Гене был именно такой талант. С его помощью писатель отображает скрытую от большинства окружающих внутреннюю сущность своих героев, показывая как бы через увеличительное стекло. При этом он до предела сужает поле зрения непосредственно видимого, чтобы оставить больший простор для вызванных им мыслей и чувств. Гене не боится натуралистичности в своих описаниях и не приглаживает непристойного жаргона своих персонажей, если это нужно для правдивой передачи обстановки и подлинности изображения характеров и типов.

«Чадин нескладный и костистый, как худой медведь. У него лиловые губы и отталкивающе безобразное лицо со следами кожной болезни. Он не говорит, а как будто рычит, пользуясь почти одними только грубыми и непристойными словами. Других слов, впрочем, он почти не знает.

Однако мало кому известно, что свой грубый, хриплый голос и постоянное свирепое выражение лица и глаз Чадин выдумал. И что он носит их, как носят отпугивающую окраску некоторые животные.

Нищенская неудача ходила за ним по пятам с первого дня его рождения. Даже, пожалуй, еще раньше, так как Чадин начал с весьма неудачного выбора для себя родителей. Его отец вряд ли был известен даже его матери, а сама она умерла в тифозном бараке еще во времена гражданской войны, успев только обучить сына мелким кражам и сквернословию. С этим багажом он и начал свою самостоятельную жизнь на вокзалах, под люками городской канализации и в приютах для беспризорных, из которых, впрочем, Чадин постоянно убегал. Затем детдома сменились тюрьмами, убежать из которых было уже труднее. Да и попадался Чадин, пожалуй, чаще, чем воровал.

Так как, действительно, нет урода, который не нашел бы себе пары, то и Чадин в промежутках между тюремными сроками, первоначально не очень большими, жил с женщиной, такой же несчастной и отверженной, как и сам, и лишь немногим более умной. Он постоянно возвращался к ней, так как считал ее своей женой, а она его мужем. Их любовь была верной и прочной и завершилась тем, что после его осуждения на нынешний, уже восьмилетний, срок у них родился ребенок.

С этим ребенком на одной руке и красным узелком в другой она и стоит сейчас перед зоной. Женщина одета в потрепанный и латаный мужской пиджак. На ее худых кривоватых ногах продранные во многих местах чулки и стоптанные туфли с покривившимися каблуками. Однако выражение испитого, не по годам морщинистого лица решительное и воинственное.

— Бес чужеядный! — кричит женщина, потрясая узелком, в котором, наверное, пачка махорки и несколько кусков сахара. Возможно, однако, что там только два гриба, найденных по дороге. Она смотрит презрительно и ненавидяще: — Страшный разбойник тоже... Драный весь, муде наружу... Па-зор!

День погожий. Поэтому невдалеке, на пропитанной аммиаком траве зоны лежит лагерная шпана и глазеет на свидание. Зрители довольны монологом посетительницы и счастливо гогочут.

— Ты меня не срами! — хрипит Чадин, вращая глазами.— Чадина х... возьмешь! Чадин сам всех ебеть-знаить... Я срам с кашей ем. Во как!

Шпана заливается еще громче.

— Змей ты, погубитель проклятый! Разъебай, мамай губастый! — выкрикивает женщина и грозно вытирает нос кулаком.

Зрители на траве, держась за животы, корчатся от смеха. И вдруг они смолкают. Дело в том, что умолкли актеры бесплатного комического спектакля. Они не ругаются, они плачут. И даже самым зачерствевшим и скудоумным из зрителей становится ясно, что не так уж оно и смешно, это зрелище двух обездоленных, стоящих по разные стороны колючей проволоки».

Еще одна картина, живописующая редкий день отдыха в каторжном лагере посреди песков азиатской пустыни. Она так и называется — «Выходной день».

«Над лагерем летает, то поднимаясь куда-то ввысь, то падая на его ограду и запыленные, приземистые строения, смертельная тоска гармошки. Это играет в бараке КВЧ его дневальный Трунов. Аккуратно стиснув ноги и остановив синие глаза, гармонист самозабвенно разводит меха, а его пальцы привычно и уверенно бегают по пуговкам клавиатуры. Звуки раздирают бревенчатые стены клуба и гаснут. Вдоль них на полу сидят басмачи и слушают. Кое-кто за длинным щелястым столом играет в шашки, осторожно передвигая их задубевшими в забоях пальцами.

Остальные спят по баракам. Спят, запрокинув головы и открыв рты,

хотя солнце уже закатывается за дальние барханы. У мертвых и усталых мало забот.

Заканчивается медленная скука выходного дня. В быстро сгущающейся темноте вспыхивают прожектора на вышках ограждений. В их холодноватом свете пляшут бесчисленные песчинки, поднимаемые слабым ветром и не видные при солнце. Стихает и гитарный звон полированных мух в длинной уборной на пятнадцать очков, стоящей в дальнем углу лагеря.

Вот уже час, как в ней неподвижно сидит человек, уткнув в худые колени заострившееся лицо. Сорванная дверь дощатого строения скрипит на одной петле, по желобу с негромким журчанием стекает желтая моча. Люди часто входят сюда, справляют нужду и уходят, стаскивая с шеи брючные ремни.

В редкие минуты, когда человек остается один, слышно, как похлопывает по крыше уборной полуоторвавшийся лист толя, а в барханах за зоной начинают звенеть остывающие пески. Тогда человек поднимает голову. На его темном лице грозное уныние умирающего орла. Но снова входят люди, и человек опять прячет его в колени.

Гармонист в клубе все еще продолжает играть. Иногда он переходит на веселый, плясовой мотив, и звуки гармоники как будто начинают кувыркаться в холодеющем воздухе. Заигрывая с легкомысленными песчинками в прожекторных лучах, они подхватывают их и, пританцовывая, уносят куда-то в темноту.

А на пружинящей доске уборной, заляпанной хлоркой и нечистотами, все еще висит над очком Султан ага Галиев, грозный когда-то предводитель басмачей. И жизнь по каплям вытекает из него пенистой кровью дизентерии. Не он ли сказал, отказываясь лечиться, что его жизнь теперь стоит не больше, чем это дерьмо? Так пусть она и уходит вместе с ним в вонючую яму».

Вот так же безжалостно, в силу такого же, хотя и ложного сознания ненужности и бесцельности своей сломанной жизни, укорачивал ее и создатель этого скорбного образа, так и оставшийся безвестным. Финал судьбы Писателя и его героя во многом сходен, хотя его могилу не замели пески пустыни, а засосали топи тундры.

1970

От автора

Миниатюры «Свидание» и «Выходной день» принадлежат перу Игоря Николаевича Стина, умершего в заполярном поселке Халмер-ю в конце пятидесятых годов в одиночестве и безвестности. Мною они подвергнуты только некоторой редакционной обработке, не нарушившей ни их содержания, ни стиля покойного писателя.

Публикация Валентины Демидовой